

ВАСИЛИЙ ГАЛИН

ПОЛИТЭКОНОМИЯ ИСТОРИИ

РУССКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

Политэкономия истории

Василий Галин

**Русская революция.
Политэкономия истории**

«Алисторус»

2022

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)7

Галин В. В.

Русская революция. Политэкономия истории / В. В. Галин —
«Алисторус», 2022 — (Политэкономия истории)

ISBN 978-5-00180-708-7

Русская революция стала переломным моментом не только в истории России XX века, но и всего мира. Она была одновременно и разрушительной, и созидательной, что до сих пор вызывает непримиримые столкновения взглядов ее сторонников и противников. Чем же она была? Какой вклад в развитие человеческой цивилизации она внесла? Русская революция стала кульминацией, неизбежным следствием, как объективных особенностей России, так и действия тех естественных сил и законов, двигавших развитием человеческого общества, исследованию которых посвящены I-й и II-й тома настоящей серии: «Капитал российской империи» и «Первая мировая». В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)7

ISBN 978-5-00180-708-7

© Галин В. В., 2022
© Алисторус, 2022

Содержание

Пробуждение капитала	6
Пролог	6
За свободу и демократию	8
Война и политическая борьба	30
Кризис власти	31
Внутренний враг	45
Революционная ситуация	59
Конец ознакомительного фрагмента.	68

Василий Юрьевич Галин
Русская революция.
Политэкономия истории. Том 3

© Галин В.Ю., 2022

Пробуждение капитала

В России теперь происходит то же, что случилось в своё время на Западе: она переходит к капиталистическому строю... Это мировой непреложный закон.

С. Витте¹

Пролог

Одиннадцать лет существования Государственной Думы и одиннадцать лет непрерывной борьбы между правительством и теми, кто отстаивает новый конституционный строй.

М. Родзянко-Николаю II, 10.02.1917²

Во главе либерального движения в России стояла прогрессивная часть ее высшего сословия, которая уже со времен Екатерины II и Александра I предлагала свои конституционные проекты. Однако превращение либеральной аристократии в политическую силу началось лишь с отменой крепостного права, тем самым еще раз подтвердив неразрывную связь крепостнического и абсолютистского принципов: Манифест об «освобождении крестьян» еще не был подписан, как видный общественный деятель, славянофил А. Кошелев уже заявлял, что не пройдет и двух лет, до предъявления всеми губернскими дворянскими собраниями «петиции о правах»³. На самом деле не прошло и месяца с провозглашения Манифеста, а помещики, по словам министра внутренних дел П. Валюева, уже потребовали предоставления «дворянству конституционных прав и преимуществ в виде вознаграждения за нарушение их прав на поземельную их собственность»⁴.

Либеральное движение высшего сословия концентрировалось в земствах, активность которых резко возросла в последние годы жизни Александра II: «Можно почти с полной уверенностью сказать, – отмечал С. Витте, – что в эпоху 1881 г. ни для кого не было тайной или истиной, требующей доказательств, что дальнейшее правильное развитие земской реформы 1864 г., есть неизбежный путь к конституции»⁵. Фактически земским дворянством вопрос был поставлен так: конституция или самодержавие, «никакого среднего между этими двумя путями быть не может»⁶.

Все нарастающая, упорная борьба с самодержавием перешла в активную фазу с началом неудач России в войне с Японией, поколебавших незыблемый авторитет верховной власти: Первая русская революция, по словам последнего дворцового коменданта В. Воейкова, началась с 6 ноября 1904 года, с даты, которую «можно считать штурмовым сигналом для активной работы общественных деятелей по захвату государственной власти, так как съехавшиеся

¹ Выступление С. Витте на Особом совещании по делам дворянского сословия 29 ноября 1897 г. (Центральный государственный исторический архив СССР. Ф.1283. Оп.1. Л.1об.–2. Цит. по: Корелин А. П. Сергей Юльевич Витте // Россия на рубеже веков: исторические портреты. – М., 1991. – С.8–47: портр. – Библиогр.: в примеч., с.356–357.)

² Председатель Государственной Думы Михаил Родзянко – Николаю II. 10 Февраля 1917 г. (Блок А..., Приложение VI)

³ Цит. по: Валюев П. А..., т.1, с. 68–69.

⁴ Валюев П. А..., т.1, с. 102; См. подробнее: примечание П. А. Зайончковского, с. 370. (Письмо министра финансов Кнежевича от 9 апреля 1861 г.)

⁵ Витте С. Ю. Липинский М. А..., с. 116.

⁶ Витте С. Ю. Липинский М. А..., с. 212.

в Москву представители земств в этот день приняли первую объединенную резолюцию с требованием политической свободы и народного представительства»⁷.

«Либералам, опиравшимся теперь на принятую (земским) съездом программу, удалось, – как отмечает американский историк С. Беккер, – всего за несколько месяцев заручиться поддержкой значительной части провинциального дворянства. Поддержка пришла не только из земских организаций, в которых преобладали дворяне, но и, что особенно поразительно, от губернских дворянских собраний, которые традиционно привлекали более консервативных дворян, чем земство. Из семнадцати дворянских собраний, состоявшихся в декабре 1904 г. и январе 1905 г., одиннадцать поддержали призыв земского съезда о созыве общегосударственного представительного собрания»⁸.

Во главе движения встала либеральная аристократия, подтверждал С. Витте: «Дворянство несомненно, хотело ограничения государя, но хотело ограничить его для себя и управлять Россией вместе с ним... Кто, если преимущественно не дворянство, участвовало во всех съездах, так называемых земских и городских представителей в 1904 и 1905 гг., требовавших конституцию, систематически подрывавших всякие действия царского правительства и самодержавного государя... К этому движению пристала буржуазия, и в особенности торгово-промышленная. Морозовы и другие питали революцию своими миллионами»⁹.

Интересы буржуазии определялись тем, что именно Капитал становился основной движущей силой экономического и общественного прогресса новой эпохи. Эту данность властно и непоколебимо подчеркивали различия в доходности капитала: в то время как доходы аристократических групп: рантье, землевладельцев, владельцев городских имуществ, снижались (большой частью просто проедались), доходы торгово-промышленной группы – наоборот демонстрировали уверенный рост (Гр. 1). Промышленный и торговый капитал становился основным двигателем экономического и социального развития России.

Переход к новой форме хозяйствования неизбежно требовал и соответствующей смены политической формы власти: каждая форма хозяйствования может существовать и развиваться только при условии господства соответствующей ей формы власти. Точно так же как при феодализме формой выражения власти родового дворянства является абсолютная монархия, при капитализме – формой выражения власти капитала выступает либеральная демократия. К началу XX века вопрос обретения власти стал для капитала насущным и необходимым условием его дальнейшего развития.

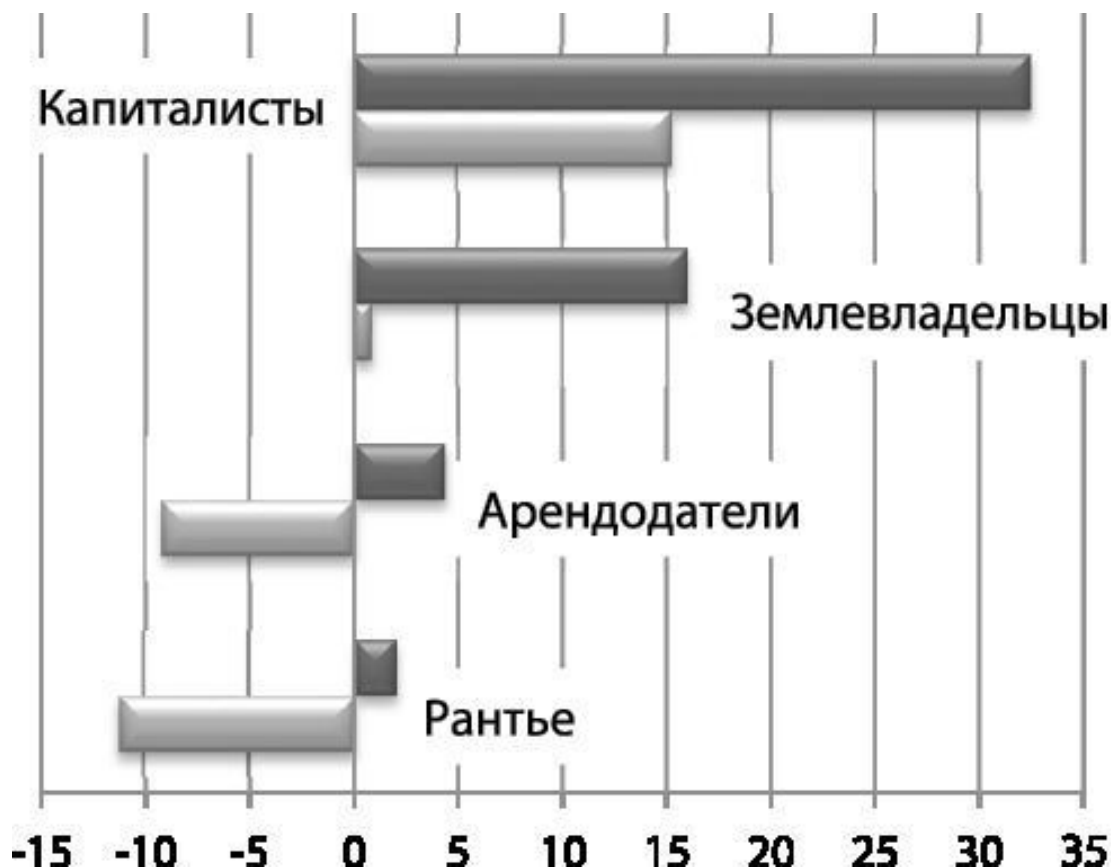
Гр. 1. Рост дохода за 1909/1904 гг., по группам, в текущих и постоянных ценах, в %¹⁰

⁷ Воейков В. Н...., с. 83.

⁸ Manning. *Crisis*. P. 83–84. См. также: Galai. P. 270. Даже обсуждая вопрос о представительном правлении, дворянские собрания тем самым уже вышли за пределы предоставленного им права обсуждать конкретные недостатки местной администрации, затрагивающие все общество, и, в сущности, нарушили запрет на обсуждение фундаментальных изменений политического устройства России. См. гл. 7, примеч. 51. (Беккер С..., с. 260)

⁹ Витте С. Ю.... т. 1, с. 667.

¹⁰ Рассчитано и построено на основании данных: Доход по группам, с доходами свыше 1000 руб.: 1905 г. Финн-Енотаевский «Современное хозяйство в России» и «Опыт исчисления народного дохода». Изд. Министерства Финансов; 1909–1910 г. Подоходный налог. Ожидаемое число плательщиков, по исследованию, произведенному податными инспекторами и казенными палатами в 1909–1910 г. (Рубакин Н. А.... § 42); Инфляция: минимальный рост индекса цен за данный период, по данным С. П. Боброва и Института экономических исследований. (Струмилин С. Г. Очерки экономической истории России. М., 1960. С. 115.) (Доходы..., Лист 5)

«Дворянину и буржуа нельзя уже стало вместе оставаться на плечах народа: одному из них приходится уходить», – констатировал этот факт печатный орган крупного капитала газета «Утро России», – «Жизнь перешагнет труп тормозившего ее сословия с тем же равнодушием, с каким вешняя вода переливает через плотину, размывая ее и прокладывая новое русло»¹¹. Остроту этой борьбы отражали слова И. Солоневича, который говоря о консервативном дворянстве, заявлял: «Этот «сброд» проживавший свои последние, самые последние закладные, стоял на дороге Гучковым, Рябушинским, Стахеевым, Морозовым – людям которые *делали* русское хозяйство, которые строили молодую русскую промышленность, которые *умели работать* и которые знали Россию. От *их* имени А. И. Гучков начал свой штурм власти»¹².

В программе торгово-промышленного съезда, представлявшего богатейших промышленников России, в июле 1905 г. говорилось: «Русские торговцы и промышленники, не видя в существующем государственном порядке должной гарантии для своего имущества, для своей нормальной деятельности и даже для своей жизни, не могут не объединиться на политической программе, с целью содействовать установлению в России прочного правопорядка и спокойного течения гражданской и экономической жизни». Главным требованием съезда стало принятие конституционно-монархической системы правления¹³. Съезд бизнес-элиты был запрещен правительством, а у его руководителей проведены обыски.

За свободу и демократию

Не помогла тут ни частная телеграмма Витте... с призывом к «патриотизму» общественных деятелей, ни поддержка князя

¹¹ «Утро России», 19 мая 1910 г. (Цит. по: Кара-Мурза С..., с. 82.)

¹² Солоневич И..., Гл.: О символике вообще.

¹³ Рябушинский В. Купечество московское. с. 185. (Петров Ю. А..., с. 75.)

Долгорукова, считавшего, что «надо подать руку помощи Витте». Это был голос... вчерашнего дня. Так далеко большинство съезда (кадетов) идти не могло, не теряя лица.

П. Милюков¹⁴

Передовым отрядом либерального движения в России стала самая образованная и просвещенная часть российского общества, в лице либеральной интеллигенции, которая занимала в нем все более видную и ведущую роль. Рост ее влияния подтверждался впечатляющим ростом доходов группы «живущих личным трудом», т. е. главным образом интеллигенции и чиновничества. За 1904–1909 гг. ее доход, на фоне резкого падения доходов рантье и землевладельцев, наоборот практически удвоился. По темпам роста доходов она в четыре раза опережала даже торгово-промышленную группу (Гр. 1): рост доходов группы «живущих личным трудом» за 1904–1909 гг. в текущих ценах составил 128 %, а в постоянных – 98 %¹⁵!

Настроения либеральной интеллигенции передавало, в мае 1905 г. на I съезде Союза Союзов, воззвание ее лидера П. Милюкова: «Мы должны действовать, как кто умеет и может по своим политическим убеждениям... Все средства теперь законны против страшной угрозы (катастрофы), заключающейся в самом факте дальнейшего существования настоящего правительства... мы говорим: всеми силами, всеми мерами добивайтесь немедленного устранения захватившей власть разбойничьей шайки и поставьте на ее место Учредительное собрание...»¹⁶.

Радикализм общественных настроений раздувался прессой до такой степени, что, по словам П. Милюкова, «Витте решил, что пресса сошла с ума»¹⁷. Председатель Комитета министров действительно «поразился необузданности прессы при существовании самого реакционного цензурного устава. Пресса начала разнуздываться еще со времени (русско-японской) войны; по мере наших поражений на востоке пресса все смелела и смелела. В последние же месяцы, еще до 17 октября, она совсем разнуздалась, и не только либеральная, но и консервативная. Вся пресса обратилась в революционную, в том или другом направлении, но с тождественным мотивом «долой подлое и бездарное правительство, или бюрократию, или существующий режим, доведший Россию до такого позора»¹⁸.

Комментируя деятельность печати, С. Витте отмечал, что «пресса совсем изолгалась, и левая так же, как правая; а когда вспыхнула революция и началась анархия, то правая пресса..., в смысле небрежания для преследуемых целей, начала распространять ложь, клевету, обман и, пожалуй, превзошла левую прессу»¹⁹. Одна из причин этого заключалась в том, что «до революционного движения 1905 года в России существовала большая интеллектуальная свобода, чем даже в Великобритании, – отмечал британский историк Ч. Саролеа, – революционерам разрешалось почти беспрепятственно вести свою пропаганду через письменное слово, Российская империя была наводнена подрывной и анархистской литературой, и лучший шанс молодого писателя угодить большей части русской публики состоял в том, чтобы быть достаточно «продвинутым» и оппозиционным правительству»²⁰.

¹⁴ Милюков П. Н... с. 274–276

¹⁵ Рассчитано на основании данных: Доход по группам: 1905 г. Финн-Енотаевский «Современное хозяйство в России» и «Опыт исчисления народного дохода». Изд. Министерства Финансов; 1909–1910 г. Подоходный налог. Ожидаемое число плательщиков, по исследованию, произведенному податными инспекторами и казенными палатами в 1909–1910 г. (Рубакин Н. А.... § 42); (Доходы..., Лист 5)

¹⁶ Милюков П. Н... с. 244

¹⁷ Милюков П. Н... с. 268

¹⁸ Витте С. Ю.... т. 1, с. 753.

¹⁹ Витте С. Ю.... т. 1, с. 755.

²⁰ Sarolea C... p. 71.

«Личные качества человека не ставились ни во что, если он устно или печатно не выражал своей враждебности существующему строю, – подтверждал вл. кн. Александр Михайлович, – Об ученом или писателе, артисте или музыканте, художнике или инженере судили не по их даровитости, а по степени радикальных убеждений. Чтобы не ходить далеко за примерами, достаточно сослаться на печальный личный опыт философа В. В. Розанова, публициста М. О. Меньшикова и романиста Н. С. Лескова»²¹.

«Британская цензура во многих случаях жестче российской, – указывал Ч. Саролеа, – «Монна Ванна» Метерлинка была широко распространена в России, в Великобритании она была запрещена. Верно также и то, что любое личное нападение на членов правительства или бюрократию может привести к неприятным столкновениям с полицией, но любое личное нападение в Великобритании может привести к еще более неприятным судебным преследованиям по закону о клевете»²².

«Русская цензура, даже в самые тяжелые свои дни, была совершенно бесполезна, и в течение последнего поколения она вмешивалась в свободу печати так же мало, как французская цензура вмешивалась в свободу французской литературы во времена Вольтера и Руссо..., – отмечал Ч. Саролеа, – Российская цензура не препятствует даже такому количеству интеллектуальной вольности, которое ошеломило бы британскую публику. Именно импульсивное и безответственное насилие части оппозиционной прессы во многом объясняет сохранение цензуры. Русские экстремисты еще не усвоили урок британской политической истории о том, что без самоконтроля и самоограничения невозможно саморазвитие. Если бы русская пресса использовала хотя бы малую толику того самоограничения, которое в Англии навязывается общественным мнением или законом о клевете, русская цензура давно перестала бы существовать»²³.

Бессилие правительства в борьбе с натиском революционных представителей привилегированных, просвещенных и имущих слоев общества, объяснялось, прежде всего, тем, что оно сопровождалось разгоравшимся Крестьянским бунтом в деревне, Рабочей революцией в городах, восстаниями солдат и матросов в армии, и на флоте. «Можно без всякого преувеличения сказать, – писал С. Витте, – что вся Россия пришла в смуту, и что общий лозунг заключался в крике души «так дальше жить нельзя!» – другими словами, с существующим режимом нужно покончить»²⁴.

«Наш государственный строй нуждается в коренной реформе..., – восклицал в отчаянии в 1905 г. товарищ министра финансов, управляющий Дворянским и Крестьянскими земельными банками, член Госсовета Н. Кутлер, – Нам нужна конституция, а... если ограничение самодержавия не ослабит смуты, не обновит государственной жизни? Тогда, стало быть, пришел конец жизни русского народа, стало быть, нам суждено пережить судьбу, подобную судьбе Древнего Рима»²⁵.

²¹ Александр М..., с. 191–192.

²² Sarolea C... p. 72.

²³ Sarolea C... p. 73.

²⁴ Витте С. Ю.... т. 1, с. 762.

²⁵ Кутлер Н. Н. – Кутлеру П. Н. 21 февраля 1905 г.//РГИА. Ф. 1282. Оп. 2. Д. 1978. Л. 1–2. (Цит. по: Островский А. В., с. 146).

«При настоящих обстоятельствах, – докладывал С. Витте Николаю II, – могут быть два исхода, или диктатура, или конституция»²⁶. И 17 октября под давлением С. Витте Николай II подписал Манифест «Об усовершенствовании государственного порядка». В основу манифеста легли два положения: дарование законодательных прав Государственной Думе и дарование свободы слова, собраний, совести и неприкосновенности личности. Манифест обещал «принятие мер к скорейшему прекращению опасной смуты..., действительное участие (Думы) в надзоре» за властями и даже привлечение к выборам в Думу классов населения, «совсем лишенных избирательных прав», а в перспективе – «дальнейшее развитие общего избирательного права вновь установленным законодательным порядком»!²⁷

Одновременно был опубликован доклад С. Витте «О мерах к укреплению единства деятельности министров и главных управлений», которым, в сущности, создавался Кабинет министров. В этом докладе (с высочайшей надписью «Принять к руководству») в частности говорилось: «Волнение, охватившее разнообразные слои русского общества, не может быть рассматриваемо как следствие частичных несовершенств государственного и социального устройства или только как результат организованных крайних партий... Корни того волнения залегают глубже. Они в нарушенном равновесии между идейными стремлениями русского мыслящего общества и внешними формами его жизни. *Россия переросла форму существующего строя* и стремится к строю правовому на основе гражданской свободы...»²⁸.

«Кто создал Российскую империю так, как она была еще десять лет тому назад? Конечно, неограниченное самодержавие, – комментировал свои слова Витте, – Не будь неограниченного самодержавия, не было бы Российской великой империи. Я знаю, что найдутся люди, которые скажут: «Может быть, но населению жилось бы лучше». Я на это отвечаю: «Может быть, но только может быть». Но, несомненно то, что Российская империя не создалась бы при конституции, данной, например, Петром I или даже Александром I»²⁹.

Однако продолжал премьер, «в конце XIX и в начале XX века, нельзя вести политику Средних веков; когда народ делается, по крайней мере, в части своей, сознательным, невозможно вести политику явно несправедливого поощрения привилегированного меньшинства на счет большинства. Политики и правители, которые этого не понимают, готовят революцию, которая взрывается при первом случае, когда правители эти теряют свой престиж и силу... Вся наша революция (1905 г.) произошла от того, что правители не понимали и не понимают той истины, что общество, народ движется. Правительство обязано регулировать это движение и держать его в берегах, а если оно этого не делает, а прямо грубо загораживает путь, то происходит революционный потоп»³⁰.

«Если бы Государь..., – заключал Витте, – сам, по собственной инициативе сделал широкую крестьянскую реформу в духе Александра II, сам, по собственной инициативе дал известные вольности, давно уже назревшие, как, например, освободил от всяких стеснений старообрядцев, смело стал на принцип веротерпимости, устранил явно несправедливые стеснения инородцев и пр., то не потребовалось бы 17 октября. Общий закон таков, что народ требует экономических и социальных реформ. Когда правительство

²⁶ Витте С. Ю...., т. 2, с. 18, 33.

²⁷ Милюков П. Н... с. 257–258

²⁸ Витте С. Ю.... т. 2, с. 4, 5.

²⁹ Витте С. Ю.... т. 1, с. 443–444.

³⁰ Витте С. Ю.... т. 1, с. 715–718.

систематически в этом отказывает, то он приходит к убеждению, что его желания не могут быть удовлетворены данным режимом; тогда в народе экономические и социальные требования откладываются, и называют политические требования как средство для получения экономических и социальных преобразований. Если затем правительство мудро не реагирует на это течение, а тем более если начинает творить безумие (японская война), то разражается революция. Если революцию тушат (что мной и моими сотрудниками было сделано – созыв Думы), но затем продолжают играть направо и налево, то водворяется анархия»³¹.

Выборы в I Государственную Думу 1906 г.³² были ограничены сословно-имущественным цензом—1 голос помещика³³ приравнялся к 3 голосам городской буржуазии, 15 голосам крестьян и 45 рабочих³⁴. Возрастной ценз ограничивал минимальный возраст имеющих право голоса—25 лет³⁵. Выборы были еще и сословно-многоуровневыми; например, для 26 крупнейших городов двух-, а для крестьян – четырехуровневыми. «Выборы двухстепенные или многостепенные, – пояснял П. Милюков, – теснее связывают представителя с его деревней; но это будет не представитель, а ходатай, доступный влиянию и подкупу». В. Ключевский в свою очередь предостерегал, что сословность выборов «может быть истолкована в смысле защиты интересов дворянства. Тогда восстанет в народном воображении мрачный призрак сословного царя. Да избавит нас Бог от таких последствий»³⁶. Выборы бойкотировали многие социалистические и национальные партии.

Отличительной особенностью состава I-й Государственной Думы была очень большая доля крестьян ~ 30 % (121 человек) и рабочих ~ 4 % (17 человек)³⁷. «Намного больше, чем в парламентах других европейских стран. Например, в английской Палате общин в то время было 4 рабочих и крестьянина, в итальянском парламенте—6, во французской палате депутатов—5, в германском рейхстаге—17»³⁸. Причина особенностей I-й Госдумы крылась не в чрезмерном демократизме российской власти, а в ее ставке на крестьянство, которое считалось опорой монархии. В грядущей Думе, передавал эти надежды один из лидеров право-монархических кругов гр. А. Бобринский, «об устойчивую стену консервативных крестьян разобьются все волны красноречия передовых элементов»³⁹.

³¹ Витте С. Ю.... т. 1, с. 475.

³² С опубликованием акта о Думе автоматически прекращалась единственная «свобода», допущенная указом 18 февраля, – свобода публичного обсуждения преобразований старого строя.

³³ Имущественный ценз 100–500 десятин, в зависимости от региона, или владение недвижимостью на сумму свыше 15 тыс. руб.

³⁴ От предприятий с 1000 человек работающих избирался один уполномоченный, свыше 1000—один на каждую тысячу занятых. Права голоса не имели: женщины, военные, полицейские, представители высшей губернской администрации, кочевники, учащиеся, осужденные или находящиеся под следствием, лишенные сана или исключенные из общины и дворянских собраний.

³⁵ Кроме этого права участия в выборах были лишены учащиеся. Тем самым от выборов отсекалась молодежь, принявшая наиболее активное участие в революции 1905 г.

³⁶ Милюков П. Н... с. 229–230, 250, 251.

³⁷ К 27 апреля 1906 г. в первую Думу избрали 121 земледельца, 21 волостного старшину и волостного писаря, 10 ремесленников, 17 фабричных рабочих, 14 торговцев, 5 фабрикантов и управляющих имениями, 73 земских, городских и дворянских служащих, 16 священников, 14 чиновников, 39 адвокатов, 16 врачей, 7 инженеров, 16 профессоров и приват-доцентов, 3 преподавателей гимназий, 14 сельских учителей, 11 журналистов и 9 лиц неизвестных занятий. (Демин В. А..., с 37–38).

³⁸ Кара-Мурза С..., с. 106–107.

³⁹ См.: Водовозов В. Царскосельские совещания // Былое. 1917. № 3–4. С. 227 (протитированная точка зрения принадлежала П.Шванебаху); Петергофское совещание о проекте Государственной Думы. Берлин, б. г., с. 191 (здесь приведены высказывания Бобринского). Общее обсуждение см. в кн.: Соловьев Ю. Самодержавие и дворянство в 1902–1907. Л., 1981. С. 180–186. (Цит. по: Шанин Т..., с. 99.)

Пример тому давала французская революция 1848 г.: как только она «восстановила всеобщее избирательное право, крестьяне немедленно использовали его, проголосовав против революционеров, и утвердили в парламенте республики монархистское большинство»⁴⁰.

В России для отбора наиболее благонадежных крестьян, над выборами в Государственную Думу был установлен особый контроль земских начальников, кроме этого был произведен арест «лиц, которые казались администрации почему-либо опасными и „вредными» для избирательной кампании»⁴¹.

Однако, оказавшись в Думе, депутаты от крестьян вдруг неожиданно создали свою Трудовую группу (102 человека–20,4 % всех депутатов), которая сразу выдвинула лозунг «Земли и воли»⁴², и, в условиях бойкотирования выборов социалистическими партиями, заняла крайне левый фланг зала заседаний Государственной Думы.

Еще более неожиданным для правительства стал тот факт, что крайне правые не получили в Думе ни одного места, а абсолютным победителем на выборах стала крупнейшая либеральная партия России – партия конституционных демократов (кадетов), в январе 1906 г. насчитывавшая почти 100 000 зарегистрированных членов⁴³. Член ЦК партии С. Муромцев стал председателем Госдумы, все его заместители и председатели 22 комиссий также были кадетами. Таким образом, несмотря на социальный ценз, I Дума получилась полностью либеральной. Вполне закономерно, что лидер партии П. Милюков настаивал на формировании чисто кадетского правительства. Столкнувшись с требованием либералов, монархия встала перед выбором: или смена правительства, или роспуск Думы.

Лидер право-либеральной партии октябристов А. Гучков, анализируя оба варианта, приходил к пессимистическим выводам: «В первом случае получим анархию, которая приведет нас к диктатуре; во втором случае – диктатуру, которая приведет к анархии. Как видите, положение, на мой взгляд, совершенно безвыходное. В кружках, в которых приходится вращаться, такая преступная апатия, что иногда действительно думаешь: да уж не созрели ли мы для того, чтобы нас поглотил пролетариат?»⁴⁴

Неоднократные попытки С. Витте договориться с кадетами закончились безрезультатно. Кадеты стояли на своем. «Первая Государственная дума...», – приходил к выводу видный политэкономист и общественный деятель С. Булгаков, – обнаружила полное отсутствие государственного разума и особенно воли и достоинства перед революцией, и меньше всего этого достоинства было в руководящей и ответственной кадетской партии... и это неудивительно, потому что духовно кадетизм был поражен тем же духом нигилизма и беспочвенности...»⁴⁵.

Кадеты, подтверждала член ЦК партии А. Тыркова-Вильямс, «не сделали ни одной попытки для совместной с правительством работы в Государственной Думе... **Как две воюющие армии, стояли мы друг перед другом**»⁴⁶. Показательный факт, характеризовавший накал этого противостояния, приводил ген. В. Гурко: В связи с открытием Государственной Думы Московская городская управа внесла предложение послать ей приветствие. «Против этого предложения гласные кадеты... решительно восстали, причем их лидер, профессор А. Мануй-

⁴⁰ Шанин Т..., с. 28.

⁴¹ См. подробнее: Маслов П. П..., с. 270–271, 308.

⁴² См. подробнее: Маслов П. П..., с. 277–278.

⁴³ Милюков П. Н... с. 290–291.

⁴⁴ А. Гучков 8 июля 1906 года (Цит. по: Тютюкин С. В..., с. 39).

⁴⁵ Булгаков С. Н. Христианский социализм. Новосибирск, 1991, с. 302, 300. (Цит. по: Кожин В. В..., с. 36.)

⁴⁶ Тыркова-Вильямс А. В..., с. 385, 460, 509.

лов, не постеснялся в частной беседе объяснить городскому голове Н. Гучкову: «Вы ей желаете плодотворной работы. Нам нужно свалить правительство»»⁴⁷.

«Адрес Думы показал, – подтверждал московский губернатор В. Джунковский, – что она не желает работать в рамках, предоставленных ей законом, а посягает на прерогативы Верховной власти... Все это действовало возбуждающе, особенно в провинции. Со всех концов России приходили вести о беспорядках, погромах, убийствах административных и должностных лиц. Казалось бы, с открытием Думы должно было бы наступить успокоение, между тем, произошло как раз обратное...»⁴⁸.

Теперь «правительство фигурировало даже не в роли обвиняемого, а прямо тяжкого заранее осужденного уголовного преступника, – отмечал пензенский губернатор И. Кошко, – Это бесповоротно роняло престиж власти...»⁴⁹. «Продолжение деятельности Думы опаснее ее распускания, – предупреждали из Тамбовской губернии, – Опасность заключается в распространении мнения о слабости правительства»⁵⁰.

Показательным примером отношения кадетов к сотрудничеству с правительством был ответ лидера кадетов, на обращение П. Столыпина к Думе с требованием высказать «глубокое порицание и негодование всем революционным убийствам и насилиям... Тогда вы снимете с Государственной Думы обвинение в том, что она покровительствует революционному террору, поощряет бомбометателей и старается им предоставить возможно большую безнаказанность»⁵¹.

Только с февраля 1905 г. по май 1906 г. при террористических покушениях погибли и были ранены 1273 человека, в том числе 13 генерал-губернаторов, губернаторов, градоначальников и их замов, более 800 полицейских всех уровней, около 20 генералов и офицеров, более 80 фабрикантов, банкиров и крупных торговцев и др., не считая жертв крестьянских восстаний и революции 1905–1907 гг.⁵²

Николай II в то время писал П. Столыпину: «Непрекращающиеся покушения и убийства должностных лиц и ежедневные дерзкие грабежи приводят страну в состояние полной анархии»⁵³. «Полиция на местах, – по словам вл. кн. Александра Михайловича, – была в панике. Из всех губерний неслись вопли о помощи и просьбы прислать гвардейские части или казаков. Было убито так много губернаторов, что назначение на этот пост было равносильно смертному приговору»⁵⁴.

Столыпин упрашивал Милюкова: «Напишите статью, осуждающую убийства; я удовлетворюсь этим...». Лидер крупнейшей либеральной партии страны, долго отказывался, но в конце «уступил»: «Личная жертва, не противоречащая собственному убеждению, и взамен – прекращение преследований против партии, может быть, спасение Думы! Я – подчеркивал

⁴⁷ Гурко В. И. Черты и силуэты прошлого. М., 2000. С. 550 (Бородин А. П..., с. 276–277, прим.)

⁴⁸ Джунковский В. Ф. Воспоминания. Т. 1. – М.: 1997, с. 160, 163.

⁴⁹ Кошко И. Ф. Воспоминания губернатора (1905–1914). – Пг.: 1916, с. 49–50 (Бородин А. П..., с. 257–258, прим.)

⁵⁰ П. Б. Мансуров – ФД. Самарину, 7.07.1906. // РО РГБ. Ф. 265.193.12. Л. 148 (Бородин А. П..., с. 258, прим.)

⁵¹ Цит. по: Рыбас С..., с. 382.

⁵² Статистические данные о лицах, пострадавших при террористических актах с февраля 1905 по май 1906. (См. подробнее: Рыбас С..., с. 61, 382).

⁵³ Николай II – Столыпину, 14.08.1905. (Федоров Б. Г... с. 589).

⁵⁴ Александр М..., с. 215.

Милуков, – поставил одно условие: чтобы статья была без моей подписи»⁵⁵. Партия кадетов не приняла «жертвы» своего лидера и отказала в публикации статьи...⁵⁶.

Российских либералов поддержала европейская прогрессивная общественность. В Англии и Франции царя величали «обыкновенным убийцей», а Россию провозглашали «страной кнута, погромов и казненных революционеров». В 1906–1909 гг. от рук террористов погибло 5946 должностных лиц. За тот же период официально к смерти было приговорено не более 5086 человек...⁵⁷

Непримиримый боевой настрой кадетов наглядно демонстрировала и их попытка объявить правительству настоящую экономическую войну: «господа кадеты, узнав о старании моем (Витте) совершить заем (без которого Россия после русско-японской войны становилась банкротом), действовали в Париже, дабы французское правительство не соглашалось на заем ранее созыва Государственной Думы...»⁵⁸.

В этих условиях правительству пришлось пойти на поддержку англо-французского соглашения по Марокко, к невыгоде Германии. За эту помощь «русское правительство потребовало компенсаций в форме займа, согласие на который эти державы волей-неволей должны были дать»⁵⁹. Эти события, как отмечал В. Мукосеев, привели к «новой группировке держав»⁶⁰. Тем не менее, «французские банкиры не хотели давать денег *без согласия* Государственной Думы, что «отдавало правительство во власть банкиров, диктовавших ему свои безбожные условия»⁶¹.

«После созыва Думы, конечно, о займе говорить *без её согласия* было бы бесполезно, – пояснял П. Мигулин, – Все это банкиры прекрасно понимали и поэтому предложили за заем цену совершенно невероятную по состоянию денежного рывка и для страны, только что заключившей мир и вступающей на путь конституционализма. Банковый синдикат прямо бил на спекуляцию по случаю созыва Думы, рассчитывая на огромный подъем цен всех русских фондов»⁶².

Заем, спасший Россию от банкротства, после русско-японской войны, был заключен Высоч. указом 4 апреля, т. е. за 23 дня до созыва Государственной Думы. Синдикат, состоявший из французских, английских, австрийских, голландских и русских банков, предложил русскому правительству 5 % заем по цене 83½ за 100 с тем, чтобы он был погашен по нарицательной цене в течение 50 лет (с 1917 г. по 1956 г.). «фактически

⁵⁵ Милуков П. Н... с. 348.

⁵⁶ Пройдет всего 10 лет, и сам П. Милуков окажется в аналогичной ситуации. Он как член Временного правительства будет упрашивать лидеров Совета «написать воззвание, чтобы не делали насилий над офицерами...» (Шульгин В. В..., с. 226.)

⁵⁷ По другим данным, военно-полевыми судами с 1905 г. по март 1909 г. приговорено к смертной казни 4797 человек, повешено и расстреляно 2353–2825 человек. В то время как только в 1906 г. революционеры совершили убийство 1126 официальных лиц (еще 1506 человек было ранено), в 1907 г. эти цифры удвоились. Приводятся и другие цифры: в 1905–1907 гг. – 9000 жертв революционеров, в период с 1908 г. до середины 1910 г. – еще 7600 жертв. (Rud C. A., Stepanov S. A. Fontanka 16, Montreal, 1999, p. 278 (Федоров Б. Г... с. 599))

⁵⁸ Витте С. Ю... т. 3, с. 222–223. См. так же: С требованием не давать России займов кадеты обращались непосредственно к правительству и президенту Франции. (Кадеты – главная партия либеральной буржуазии в борьбе с революцией 1905–1907 гг. – М.: 1983 с. 184. См. так же Коковцев В. Н. Из моего прошлого. Воспоминания 1903–1919 гг. Кн. 1. М., 1992. с. 140–141. Шелохаев В. В.) Витте С. Ю... т. 3, с. 222–223.

⁵⁹ Мукосеев В. Государственное хозяйство. 1904–1907 гг.// Общественное движение в России..., т. 4.1, с. 162.

⁶⁰ Мукосеев В. Государственное хозяйство. 1904–1907 гг.// Общественное движение в России..., т. 4.1, с. 175.

⁶¹ Мукосеев В. Государственное хозяйство. 1904–1907 гг.// Общественное движение в России..., т. 4.1, с. 175.

⁶² Мигулин П. Русский государственный кредит, т.3, с. 1181–1185.

облигации займа были реализованы из 17,19 % – процент прямо-таки чудовищный»⁶³.

Именно в это время на первый план выдвинулся П. Столыпин, за день до открытия I Думы назначенный Николаем II министром внутренних дел. Его мнение оказалось решающим: «Для разрешения создавшегося кризиса, – пояснял П. Столыпин свою позицию, – возможны только два выхода... сформирование кадетского министерства, или роспуск Думы в расчете, что новые выборы дадут более благоприятный состав. Если привести к власти министерство от партии к.-д., то оно неминуемо принуждено будет немедленно проводить в жизнь и осуществлять всю свою партийную программу полностью... Тогда левые партии неминуемо захлестнут кадет, выбросят их за борт и захватят власть в свои руки»⁶⁴.

Камнем преткновения стал аграрный вопрос, за которым стояла стихийная сила крестьянства, представлявшая более 80 % населения страны. Посылая своих представителей в Государственную Думу, указывал в своем выступлении один из лидеров Трудовой группы С. Аникин, *«крестьянство сказало, что ему нужна воля и земля... Крестьянство считало себя вправе предъявлять народным представителям и верховной Власти требования об удовлетворении своей нужды, земельной нужды, не для эксплуатации земли темными путями, не для сдачи ее в аренду, не для перепродажи, не для того, чтобы сосать чужой труд, но для того, чтобы при помощи земли иметь право на труд! Мы, крестьяне, требуем этого права на труд... Если России не суждено еще ввергнуться в новый поток революции, то эти земли должны быть отобраны, должны быть немедленно отданы в руки трудового народа законодательным порядком»*⁶⁵.

Когда же правительство Горемыкина явилось в Думу и в ответ на эти требования сказало: ««Земли ни в каком случае, частная собственность священна», – то тогда крестьянство, – отмечал С. Витте, – пошло не за царским правительством, а за теми, которые сказали: «Первым делом мы вам дадим землю, да в придаток и свободу», т. е. за кадетами (Милюков, Гессен) и трудовиками»»⁶⁶.

Кадеты в своей программе призывали к конфискации казенных, монастырских и частично помещичьих земель⁶⁷. А Трудовая группа, поясняя свою позицию, в первом пункте своей программы отмечала: «Земельное законодательство должно стремиться к тому, чтобы установить такие порядки, при которых вся земля с ее недрами и водами принадлежала бы всему народу, причем нужная земля для сельского хозяйства могла бы отдаваться в пользование тем, кто будет ее обрабатывать своим трудом»⁶⁸.

В ответ на эти требования П. Столыпин заявил, что «начало неотъемлемости и неприкосновенности собственности является, во всем мире и на всех ступенях развития гражданской жизни, краеугольным камнем народного благосостояния и общественного развития, коренным устоем государственного бытия, без коего немыслимо и самое существование государства»⁶⁹.

⁶³ Мукосеев В. Государственное хозяйство. 1904–1907 гг. // Общественное движение в России..., т. 4.1, с. 162, 163.

⁶⁴ П. Столыпин, 8 июля 1906 г. (Раух Г. Роспуск 1-й государственной Думы. Отрывки из воспоминания // Возрождение. 1930. 19 сентября (Бородин А. П..., с. 39))

⁶⁵ Из выступления С. В. Аникина – одного из лидеров трудовой группы, выходца из крестьян, сельского учителя, писателя. Представителя Саратовской губ. 13 мая 1906 г. (Государственная дума: Стенографические отчеты: Созыв 1: Сессия 1. – Т. 1, – С. 327–329. (Цит. по: Хрестоматия по истории СССР..., с. 323–324))

⁶⁶ Витте С. Ю.... т. 2, с. 477, 478.

⁶⁷ Заседание Государственной Думы 8 мая 1906 г. (Государственная дума: Стенографические отчеты: Созыв 1: Сессия 1. – Т. 1, – С. 248–251. (Цит. по: Хрестоматия по истории СССР..., с. 318–321))

⁶⁸ «Проект основных положений» по аграрному вопросу, внесенный в I Государственную думу трудовой группой 23 мая 1906 г. (Проект 104-х)» (Государственная дума: Стенографические отчеты: Созыв 1: Сессия 1. – Т. 1, – С. 560–562. (Цит. по: Хрестоматия по истории СССР..., с. 324–327))

⁶⁹ Из выступления П. Столыпина 13 мая 1906 г. (Государственная дума: Стенографические отчеты: Созыв 1: Сессия 1. – Т. 1, – С. 321–323. (Цит. по: Хрестоматия по истории СССР..., с. 321–323))

I-я Дума была обвинена в разжигании смуты и распущена на 72-й день своего существования. В этот же день П. Столыпин был назначен председателем Совета министров.

«Когда Родичев (член ЦК партии кадетов) сравнивал этот редкий орган (Думу) с иконой, разбить которую у власти не поднимется рука, он жестоко ошибался; – откликнулся на разгон Думы П. Милюков, – его разбила рука подлинных «дикарей» сверху. «Революционная волна» как будто отхлынула перед грубым насилием. Но это была только отсрочка, данная власти, и уже последняя. И тот же В. Ключевский – даже вопреки своим настроениям – сделал из случившегося пророческий вывод: «Династия прекратится; Алексей царствовать не будет»»⁷⁰.

Опыт Первой Государственной Думы показал, отмечал С. Витте, что «интеллигентная часть общества впала в своего рода революционное опьянение не от голода, холода, нищеты и всего того, что сопровождает жизнь 100-миллионного непривилегированного русского народа или, точнее говоря, голодных подданных русского царя и русской державы, а в значительной степени от умственной чесотки и либерального ожирения... в то опьянение, которое страшно испугало имущих и по непреложному закону вызвало страшную реакцию, когда явились все эти обстоятельства..., то явилась попытка если не аннулировать напрямик, то, по крайней мере, косвенными путями (не мытьем, так катаньем) стереть или протереть 17 октября»⁷¹.

«Дворянство увидело, что ему придется делить пирог с буржуазией – с этим оно мирилось, но ни дворянство, ни буржуазия не подумали о сознательном пролетариате. Между тем последний для этих близоруких деятелей вдруг только в сентябре 1905 г. появился во всей своей стихийной силе. Сила эта основана и на численности и на малокультурности, а в особенности на том, что ему терять нечего. Он, как только подошел к пирогу, начал реветь, как зверь, который не остановится, чтобы проглотить все, что не его породы. Вот когда дворянство и буржуазия увидели сего зверя, то они начали пятиться, т. е. начал производиться процесс поправления... Одним словом, – констатировал Витте, – дворянство сто лет добивалось конституции, но только для себя, и вся та часть дворянства, которая носит в себе только проглоченную пищу, а не идеи, когда она увидела, что конституция не может быть дворянской, явно или стыдливо тайно начала исповедовать идеи таких каторжников, а просто сволочи, как Дубровин, Пуришкевич и др.»⁷²

«Крестьянские бунты в сочетании с угрозой экспроприации крупных и средних имений, и с не вызывавшим симпатий характером Первой Думы, положили конец заигрываниям помещиков с либерализмом», – подтверждал С. Беккер⁷³. Доклад самаринской Комиссии предупреждал, что не следует следовать примеру Франции, где «в конце XVIII века произведена была полная перестройка всего государства сверху донизу». Местные учреждения, результат трудов многих поколений, были упразднены – с самыми печальными результатами⁷⁴.

Отмежевание консервативного дворянства дошло до того, что при подготовке к выборам во II-ю Думу, «в ноябре 1906 г. Объединенное

⁷⁰ Милюков П. Н... с. 333.

⁷¹ Витте С. Ю.... т. 2, с. 107.

⁷² Витте С. Ю.... т. 1, с. 677–678.

⁷³ Беккер С..., с. 265.

⁷⁴ Труды четвертого съезда уполномоченных дворянских обществ (СПб., 1909). С. 101–102, 232, 383–384; Weissman. *Reform in Tsarist Russia*. P. 169–175; Он же. *State, Estate and Society in Tsarist Russia* (Ph.D. diss., Princeton University, 1976). P. 259–264. Относительно доводов Объединенного дворянства в защиту роли уездных предводителей в местном управлении см.: Manning. *Crisis*. P. 330–346. (Беккер С..., с. 276)

дворянство продемонстрировало, что защищает интересы не первого сословия, и даже не дворян-землевладельцев в целом, а лишь тридцать одну тысячу дворян, имения которых давали им право прямого голосования в первой курии и которые составляли подавляющее большинство класса средних и крупных помещиков»⁷⁵.

Подобные перемены, как отмечал С. Витте, произошли и в торгово-промышленных кругах, и приводил в связи с этим пример, когда «в 1906 г. во время страшного государственного финансового кризиса вследствие войны..., Крестовников просил меня его принять... от имени московского торгово-промышленного мира. (Он) жаловался на то, что Государственный банк держит весьма высокие учетные проценты, и просил приказать их понизить... я ему объяснил, что ныне понизить проценты невозможно... После такого моего ответа Крестовников схватил себя за голову и, выходя из кабинета, кричал: «Дайте нам скорее Думу, скорее соберите Думу!» – и как шальной вышел из кабинета. Вот до какой степени представители общественного мнения не понимали тогда положения дел... представитель исключительного капитала воображал, что коль скоро явится первая Дума, то она сейчас же займется удовлетворением карманных интересов капиталистов. Все умеренные элементы, и в том числе колоссальный общественный флюгер – «Новое время», твердили: «Скорее давайте выборы, давайте нам Думу». Когда же Дума собралась и увидели, что Россия думает... то тогда эти умеренные элементы с умеренным пониманием вещей ахнули – и давай играть в попятную, чем занимаются и поныне»⁷⁶.

«Буржуазный попутчик революции, – подтверждал М. Покровский, – быстро отстал и прибег даже снова к весьма оригинальной форме правительственного «воспособления», арендуя на льготных условиях казенные пулеметы, для защиты своих имений»⁷⁷.

Реакция правительства отчетливо проявила себя при выборах во II-ю Государственную Думу, где для формирования нужного ему состава Столыпин прибег к откровенному политическому террору против лидеров даже пробуржуазных партий. Уже в период заседаний I-ой Думы были закрыты 92 газеты, а 141 редактор и журналист – арестованы или сосланы⁷⁸. От участия в выборах во II Думу было отстранено 120 из 169 возможных кандидатов от кадетов. Зато появились «союзы» Михаила Архангела, «русского народа» и т. д. Гучков нашел лозунг, объединивший представителей помещиков с «черной сотней», – «пламенный патриотизм»⁷⁹.

Партия «черносотенцев», характеризовал ее С. Витте, «представляет собой дикий, нигилистический патриотизм, питаемый ложью и обманом; она есть партия дикого и трусливого отчаяния, но не содержит в себе мужественного и прозорливого созидания. Она состоит из темной, дикой массы, вожаков – политических негодяев, тайных соучастников из придворных и различных, преимущественно титулованных, дворян, все благополучие у которых связано с бесправием и лозунг которых «не мы для народа, а народ для нашего чрева». К чести дворян, эти тайные черносотенники составляют ничтожное меньшинство благородного русского дворянства. Это дегенераты дворянства, взлелеянные подачками (хотя и миллионными) от царских столов.

⁷⁵ Беккер С..., с. 272.

⁷⁶ Витте С. Ю..., т. 2. с. 217.

⁷⁷ Покровский М..., т. 3, с. 337.

⁷⁸ Шанин Т..., с. 103.

⁷⁹ Миллюков П. Н... с. 338.

И бедный государь мечтает, опираясь на эту партию, восстановить величие России»⁸⁰.

Однако, несмотря на все усилия правительства, результаты выборов во II-ю Думу, оказались «совершенно неожиданными для правительства... и дали больше левых депутатов, чем при выборах в I-ю Думу»⁸¹. Правительство получило всего пятую часть состава Думы. Кадеты, чей член ЦК Ф. Головин был выбран ее председателем, стали еще более радикальны. Впечатление, которое произвела новая Дума на власть, передавал вл. кн. Александр Михайлович: «Ники и его министры рассказывают мне о серьезности политического положения. Вторая Дума состоит из открытых бунтовщиков, которые призывают страну к восстанию»⁸².

«Дума ничего более, как сборище жадных искателей своего личного благополучия. Все зиждется на достижении эгоистических в разных смыслах целей. О бескорыстном стремлении к осуществлению высших идеалов, – восклицал министр юстиции И. Щегловитов, – нет речи»⁸³. «Делового обсуждения законодательных предположений с правительством нет, – подтверждал чиновник Министерства финансов В. Лопухин, – Дума представляет собою революционный митинг. Думская трибуна обслуживает исключительно революционную пропаганду»⁸⁴.

По мнению П. Столыпина, в данной ситуации перед Государем были «три дороги – реакции, передачи власти кадетам и образования коалиционного министерства с участием общественных деятелей... Путь реакции нежелателен, кадеты скомпрометировали себя Выборгским воззванием»⁸⁵... остается третий путь, имеющий особенное значение ввиду предстоящих выборов. Задача правительства проявить авторитет и силу и вместе с тем идти по либеральному пути, удерживая Государя от впадения в реакцию и подготавливая временными мерами основы тех законов, которые должны быть внесены в будущую Думу»⁸⁶.

Николай II поддержал премьера и даже начал подыскивать подходящих кандидатов в умеренной либеральной оппозиции, но потерпел неудачу: «Принял Львова и Гучкова. Говорил с каждым по часу. Вынес глубокое убеждение, что они не годятся в министры сейчас. Они не люди дела, т. е. государственного управления, в особенности Львов...»⁸⁷. По мнению Столыпина: «Львов чрезвычайный фантазер и отвлеченный теоретик»⁸⁸. Видный юрист, которого Столыпин упорно приглашал на пост министра юстиции, А. Кони, «был крайне неприятно поражен той легковесностью, с которою» лидеры либеральной оппозиции говорили «о важнейших вопросах... и довольно небрежно относясь к необходимости считаться с желаниями коренного русского народа... За словами моих собеседников я, – писал Кони, – к прискорбию, видел не государственных людей..., а политиканствующих хороших людей, привыкших действовать не на ум, а на чувства слушателей не теоремами, а аксиомами»⁸⁹.

В этом, по словам ближайшего помощника Столыпина – С. Крыжановского, крылась основная причина отказа от сотрудничества, а именно «в убеждении, как Государя, так и правительственных кругов в совершенном отсутствии общественных элементов, сколько-нибудь

⁸⁰ Витте С. Ю.... т. 1, с. 400.

⁸¹ Маслов П. П..., с. 353.

⁸² Александр М..., с. 226.

⁸³ Дневник А. А. Половцова. Запись 8.06.1906. // Красный архив. 1923, т 4, с. 114–115.

⁸⁴ Лопухин В. Б. Люди и политика.// Вопросы истории. 1966. № 10, с. 110–111 (Бородин А. П..., с. 260, прим.)

⁸⁵ Выборгское воззвание (10.7.1906) группы депутатов-кадет к гражданам России с призывом не платить налоги и не служить в армии, в знак протеста против роспуска I-й Думы. Организаторы (167 человек) приговорены к трехмесячному тюремному заключению.

⁸⁶ П. А. Столыпин – А. Ф. Кони, 17 июля. (Кони А. Ф..., с. 362.)

⁸⁷ Николай II – П. А. Столыпину, июль 1906 г. (Красный архив, 1924, т. 5, с. 102.)

⁸⁸ Кони А. Ф..., с. 370.

⁸⁹ Кони А. Ф..., 367.

подготовленных к делу управления и способных отправлять обязанности власти. И последующие события показали, что они были правы. В составе лиц, выдвинутых политическими кругами, деловых людей не оказалось, а оказались либо теоретики и доктринеры, не отдававшие себе отчета в том, что такое управление... *Это были мечтатели, способные только разрушать...*»⁹⁰

Либеральная оппозиция, в свою очередь, сама отказалась от участия в коалиционном министерстве, она не верила в реформаторские намерения Николая II, о чем говорило воспоминание А. Гучкова, о его аудиенции у монарха: «несмотря на то, что у него было желание образовать правительство, но в это время какое-то ощущение спокойствия, безопасности там начинало крепнуть, революционная волна не так грозна и можно без новшеств обойтись»⁹¹. К подобным выводам приходил и Н. Львов, после разговора со Столыпиным, «он убедился в отсутствии у правительства искреннего желания «переменить курс» и решиться на широкие реформы»⁹².

Николай II, в свою очередь, находил причины отказа кадетов от сотрудничества в том, что «у них собственное мнение выше патриотизма, вместе с ненужною скромностью и боязнью скомпрометироваться»⁹³. Действительно, подтверждал член ЦК кадетской партии В. Маклаков, либеральная оппозиция «не хотела себя компрометировать соглашением с ним (Николаем II)... Она хотела все делать сама и одна; пользы от соглашения с прежнею властью она не понимала»⁹⁴.

Олицетворением либеральной оппозиции являлся ее лидер, о котором В. Лопухин отзывался следующим образом: «Книжник, теоретик был Милюков, оторванный от жизни. Человек мысли..., человек свободно лившегося слова, человек пера. Но не дела! Не государственный человек!»⁹⁵ «Едва ли не самым большим его (П. Милюкова) недостатком, мешавшим ему стать государственным деятелем, было то, что верность партийной программе заслоняла от него текущие государственные нужды, потребности сегодняшнего дня, – подтверждала А. Тыркова-Вильямс, – У него не было перспективы, он не понимал значения постепенного осуществления определенной политической идеологии. В этом умеренном, сдержанном, рассудочном русском радикале сидел максимализм, сыгравший так много злых шуток с русской интеллигенцией»⁹⁶.

О II-ой Государственной Думе С. Булгаков отзывался еще более категорично, чем о первой: «Это уличная рвань, которая клички позорной не заслуживает. Возьмите с улицы первых попавшихся встречных... внушите им, что они спасители России... и вы получите II Государственную Думу. И какими знающими, государственными, дельными представлялись на этом фоне деловые работники ведомств – «бюрократы»...»⁹⁷.

«Несколько недель совместной работы со Второй Думой убедили правительство, – подтверждал товарищ министра внутренних дел С. Крыжановский, – что жить с нею нельзя, так как задачей господствовавшего большинства была не законодательная работа, а борьба с правительством и даже с государственным строем вообще, и думская деятельность рассматрива-

⁹⁰ Крыжановский С. Е...., с. 117.

⁹¹ Александр Иванович Гучков..., с. 49.

⁹² Кони А. Ф...., с. 369.

⁹³ Николай II – Марии Федоровне, 21.07.1906. // Красный архив. 1927. т. 3 (22), с. 192–193.

⁹⁴ Маклаков В. А. Вторая Государственная дума..., с. 49.

⁹⁵ Лопухин В. Б. Люди и политика. // Вопросы истории, 1966, № 11, с. 124 (Бородин А. П...., с. 249–250, прим.)

⁹⁶ Тыркова-Вильямс А. В...., с. 460, 509.

⁹⁷ Цит. по: Кожин В. В...., с. 36.

лась им лишь как удобный способ пропаганды в условиях, не стесненных цензурой и полицией»⁹⁸. Царь спрашивал: «Что же нужно делать, чтобы положить предел тому, что творится в Думе, и направить ее работу на мирный путь?» – «Готовиться к роспуску Думы и к неизбежному пересмотру избирательного закона», – отвечал министр финансов В. Коковцов⁹⁹.

Правые требовали закрытия Думы: политика Столыпина, восклицал экс обер-прокурор Святейшего синода К. Победоносцев, «это продолжение системы, заведенной роковым человеком – Витте – в декабре 1904 года. Он говорил тогда, что цель его – обратиться к правительству благоразумную часть общества! Но это была лишь уступка улице и разнузданной толпе»¹⁰⁰. «Заглянем в глубину наших душ, спросим нашу совесть, – восклицал популярный правый экономист С. Шарапов, – разве вот это наше собрание обладает необходимой мудростью, верой и нравственной силой, чтобы спасти и переустроить Россию?»¹⁰¹. Биограф Столыпина – А. Бородин приводит многочисленные примеры подобных заявлений и, подводя им итог, отмечает, что «недовольство и ругань по адресу П. Столыпина за то, что терпит Думу, не разгоняет ее, – общее место всех правых газет апреля-мая 1907 г.»¹⁰²

Последней каплей, по словам П. Столыпина, снова стал земельный вопрос: «Самым же серьезным является отношение большинства Думы к земельному вопросу, в котором не видно ни малейшего желания пойти навстречу серьезным предположениям и работе правительства. Вообще вся Думская работа последнего времени начинает приводить к убеждению, что большинство Думы желает разрушения, а не укрепления Государства»¹⁰³.

В этой ситуации, по словам В. Коковцова, «министры... смотрели так, что нужно спасти самую идею Государственной Думы»¹⁰⁴. «Свести к банкротству наше молодое народное представительство, – отмечал один из видных октябристов Н. Шубинский, – было очень легко: стоило только третье избрание народных представителей предоставить прежнему порядку, чтобы со спокойной совестью начать речь о неудавшемся опыте и незрелости страны для представительного строя в ней»¹⁰⁵. «Государственная власть, – подтверждал товарищ министра внутренних дел В. Гурко, – стояла тогда перед дилеммой либо совершенно упразднить народное представительство, либо путем изменения выборного закона получить такое представительство, которое действительно было бы полезным фактором государственной жизни»¹⁰⁶.

В существовавших условиях созыв очередной Думы уже сам по себе становился фактом утверждения в России парламентского строя, и главную роль в этом, по мнению современников, сыграл Столыпин: «Что касается избирательного закона, то, – свидетельствовал В. Коковцов, – П. Столыпин решился на его изменение «исключительно во имя сохранения идеи народного представительства, хотя бы ценою... явного отступления от закона»¹⁰⁷. «В тех условиях, – приходил к выводу биограф Столыпина А. Бородин, – другого способа спасти Государственную Думу не было»¹⁰⁸. При этом «П. Столыпин, подчиняясь требованию Государя о роспуске Думы, сумел, – отмечал член II и III Государственных Дум адвокат В. Маклаков, – сохранить консти-

⁹⁸ Крыжановский С. Е...., с. 107.

⁹⁹ Милуков П. Н...., с. 313.

¹⁰⁰ К. П. Победоносцев – С. Д. Шереметьеву, 28.09.1906. // Источник, 1996, № 6, с. 24 (Бородин А. П...., с. 125)

¹⁰¹ Шарапов С. Ф. Диктатор. 1907 г. — М.: Бобок – Новая книга, 1998. 112 с., с. 36

¹⁰² См.: Бородин А. П...., с. 125–128.

¹⁰³ П. А. Столыпин – Николаю II, 18.05.1907. // РГИА, ф. 1276, оп. 3, д. 948, л. 252–252 об. (Бородин А. П...., с. 85)

¹⁰⁴ Падение царского режима. Т. VII. – Л.: 1927, с. 101–102 (Бородин А. П...., с. 87)

¹⁰⁵ Шубинский Н. П. Памяти П. А. Столыпина. Речь от 5.09.1913. в ЦК «Союза 17 октября» в Москве // Правда Столыпина. – Саратов: 1999, с. 96 (Бородин А. П...., с. 72)

¹⁰⁶ Гурко В. И...., с. 600. Часть V. Усиление натиска общественности на власть. Глава 1. Министерство Столыпина. Вторая и Третья Государственные Думы (9 июня 1906 г. – 11 сентября 1911 г.)

¹⁰⁷ Коковцов В. Н. Из моего прошлого. Воспоминания 1903–1919 гг. т. 1. – Париж: 1933, с. 259 (Бородин А. П...., с. 87)

¹⁰⁸ Бородин А. П...., с. 129.

туцию: переворот в манифесте оправдывается, государственной необходимостью и невозможностью легальным путем выйти из положения, а не законным правом Монарха»¹⁰⁹.

На этом, по словам П. Милюкова, закончилась Первая русская революция – государственным переворотом 3 июня 1907 года: разгоном II Государственной Думы и изданием нового избирательного «закона»¹¹⁰. В день роспуска II Думы были арестованы все социал-демократические депутаты, их осудили на каторжные работы сроком на 5 лет с последующей пожизненной ссылкой (20 человек) или просто к пожизненной ссылке (11 человек). Новый политический строй М. Вебер назвал «псевдоконституционализмом»¹¹¹, а С. Витте – «quasi-конституцией, а, в сущности, скорее – самодержавием наизнанку, т. е. не монарха, а премьер»¹¹².

«Переворот этот, по существу, заключался в том, – пояснял С. Витте, – что новый выборный закон исключил из Думы народный голос, т. е. голос масс и их представителей, а дал только голос сильным и послушным: дворянству, чиновничеству и частью послушному купечеству и промышленникам. Таким образом, Государственная Дума перестала быть выразительницей народных желаний, а явилась выразительницей только желаний сильных и богатых, желаний, делаемых притом в такой форме, чтобы не навлечь на себя строгого взгляда сверху», «закон этот был актом государственного переворота, но мне представляется, что этот закон искусственный, что он не даст успокоения, как основанный не на каких-либо твердых принципах, а на крайне шатких подсчетах и построениях. В законе этом выразилась все та же тенденциозная мысль, которую Столыпин выражал в Государственной думе: что Россия существует для избранных 130 000, т. е. для дворян, что законы делаются, имея в виду сильных, а не слабых, а потому закон 3 июня не может претендовать на то, что он дает «выборных» членов Думы, он дает «подобранных»... Теперешняя Государственная Дума есть Дума не «выборная», а «подобранная»»¹¹³.

«Принятый в июне 1907 г. избирательный закон, – подтверждает С. Беккер, – завершил процесс концентрации непропорционально большой политической власти в квазипарламентской системе в руках крупных и средних землевладельцев, большинство которых принадлежало к первому сословию. Они образовали самую крупную фракцию в Думе точно так же, как еще за год до этого они были сделаны доминирующей фракцией в избираемой половине Государственного совета. Этой властью они распоряжались не как дворяне, а как землевладельцы»¹¹⁴.

При выборах в III Государственную Думу по новому избирательному закону 1 голос помещика приравнивался к 4 голосами крупной буржуазии, 68 – средней и мелкой буржуазии, 260 – крестьян и 543 – рабочих¹¹⁵. Это была чисто «аристократическая» Дума. Дворяне заняли в ней 43 % мест, крестьяне–15 %, промышленники и торговцы–5 %, религиозные деятели

¹⁰⁹ Маклаков В. А. Вторая Государственная дума..., с. 225.

¹¹⁰ Милюков П. Н... с. 354.

¹¹¹ Вебер М. Переход России к псевдоконституционализму (Русский исторический журнал. – М.: Институт русской истории РГГУ, т. III, 2000, N 1–4)

¹¹² Витте С. Ю...., т. 2, с. 215.

¹¹³ Витте С. Ю.... т. 2, с. 134, 579.

¹¹⁴ Беккер С...., с. 273.

¹¹⁵ По одному выборщику приходилось на 230 земельных собственников, – на 1000 представителей торгово-промышленного класса, – на 15 000 средней буржуазии, – на 60 000 крестьян и на 125 000 рабочих.

– 10 %, представители либеральных профессий – 19,5 %. На финансирование выборов правительство направило три с лишним млн. рублей, которые пошли в основном на субсидии правым партиям: «Курская быль», «Русское знамя», «Земщина», «Собрание националистов»..., кадеты и октябристы не получили ничего¹¹⁶.

Правые обещали Коковцову «затмить самые смелые ожидания» относительно будущего состава Думы, если он не пошлется дать им... миллион. Получив отказ, Марков 2-й пригрозил: «Вы получите не такую Думу, которую бы мы вам дали за такую незначительную сумму»¹¹⁷. В то же время один из лидеров черносотенцев В. Пуришкевич, по словам В. Воейкова, получал дополнительные пособия для правых через дворцовую канцелярию и департамент полиции¹¹⁸.

Кроме этого «все сколько-нибудь подозрительные по политике лица бесцеремонно устранялись от участия в выборах. Целые категории лишались избирательных прав или возможности фактически участвовать в выборах. При выборах присутствовали земские начальники. Нежелательные выборы отменялись. Предвыборные собрания не допускались, и сами названия нежелательных партий запрещалось произносить, писать и печатать. Съезды избирателей делились по любым группам для составления искусственного большинства. Весь первый период выбора уполномоченных первой стадии прошел в темноту. Мелкие землевладельцы почти поголовно отсутствовали; зато по наряду от духовного начальства были мобилизованы священники, которые и явились господами положения. В 49 губерниях на 8764 уполномоченных было 7142 священника, и лишь для избежания скандала было запрещено послать в Думу более 150 духовных лиц; зато они должны были голосовать повсюду за правительственных кандидатов»¹¹⁹.

В новом выборном законе «было бесчисленное количество недостатков..., – подтверждал С. Крыжановский, – но в условиях, в которых находилось тогда правительство, другого выхода не было»¹²⁰. Выбор стоял между диктатурой и «русским хаосом», пояснял он, «и та Дума, которая на основании его была выбрана, – Третья – была первым... в России представительным учреждением, которое оказалось способным к творческой работе»¹²¹.

Дума была спасена, подтверждал видный славянофил А. Киреев, «*теперь* без Думы управлять уже нельзя. Не будет *этой* Думы, будет 4, 5, 6-я... 3-я Дума не ругается, не плюется, не беснуется, как две первые, – но она *гораздо* тверже, самоувереннее, нежели 1-я и 2-я»¹²². В «III Думе, – отвечал лидер либералов П. Милюков, – наступающей стороной была власть; общественность, слабо организованная, только оборонялась, едва удерживая занятые позиции и идя на компромисс с властью»¹²³.

В то же время, правые расценивали само сохранение Думы, как свое поражение. «Победа премьера и способ пользования ею, – отмечала этот факт одна немецкая газета, – причинила острую боль весьма широким и весьма влиятельным кругам. Они оказались так плотно прижатыми к стене, что с трудом могут перевести дух. Этого здесь Столыпину никогда не простят. Они будут жить мечтой о реванше»¹²⁴. Наглядным примером, отражавшим оппозиционные настроения консервативного дворянства, являлась его реакция на попытку Столыпина «затронуть особое положение дворянства в местном управлении...», – которая, по словам Крыжанов-

¹¹⁶ Крыжановский С. Е... с. 105–106.

¹¹⁷ Милюков П. Н... с. 462–463.

¹¹⁸ Воейков В. Н..., с. 36–37.

¹¹⁹ Милюков П. Н... с. 462–463.

¹²⁰ Крыжановский С. Е... с. 112.

¹²¹ Крыжановский С. Е... с. 112–113.

¹²² А. А. Киреев – Ф. Д. Самарину, 8.11.1908. // РО РГБ, ф. 265.190.32, л. 112 об. – 113 об. (Бородин А. П..., с. 87–88)

¹²³ Милюков П. Н... с. 461.

¹²⁴ Речь от 14(27).03.1911. (Бородин А. П..., с. 291, прим.)

ского, – подняла против него и такие слои, которые имели большое влияние у Престола»¹²⁵, «под натиском дворянской оппозиции Столыпин отказался от мысли дать ему ход, и проект был спрятан под сукно»¹²⁶.

«В конце концов, от всех начинаний Столыпина, – отмечал Крыжановский, – осталось и прошло в жизнь только одно... законы о землеустройстве»¹²⁷. Но даже эту, как ее назвал Т. Шанин, ««революцией сверху» не поддерживал ни один крупный общественный класс, ни одна партия или общественная организация. Поэтому кажется невероятным, – замечал Шанин, – как мог Столыпин, располагая столь ничтожной поддержкой, замахиваться на столь коренные социальные преобразования»¹²⁸.

И правых и левых объединяла одна слепая ненависть к Столыпину. «Одно появление Столыпина на трибуне (Думы), – вспоминала А. Тыркова-Вильямс, – сразу вызывало кипение враждебных чувств, отменяло всякую возможность соглашения. Его решительность, уверенность в правоте правительственной политики бесили оппозицию, которая привыкла считать себя всегда правой, а правительство всегда виноватым»¹²⁹. «Слева, – подтверждал Деникин, – Столыпина считали реакционером, справа – опасным революционером»¹³⁰. По мнению правых, Столыпин превратился в диктатора¹³¹. Отношение правых к премьеру наглядно передавали слова видного монархиста Л. Тихомирова: «Это – полное подчинение Столыпину самого монарха... Конечно, наряду с рабским страхом перед проскрипциями, кипит жгучая ненависть...»¹³².

Против Столыпина и его реформ выступали все: националисты и монархисты, либералы и социалисты, крестьяне и церковь, бюрократия и аристократы. С. Витте, уже со стороны наблюдавший за развитием событий, описывал их следующим образом: «17 октября 1905 г. законодательным учреждениям был дан достаточный контроль над действиями администрации. Тем не менее, ныне, через семь лет, в России не только нет гражданской свободы, но даже эта свобода, которая существовала до 1905 г., умалена административным произволом, который в последнее пятидесятилетие никогда так беззастенчиво не проявлялся.

Причиной такому положению вещей следующие обстоятельства: 1) полнейшая политическая бестактность и близорукость не только крайних революционных партий, но и почти всех либеральных партий того времени; они точно сорвались с цепи и, вместо того чтобы считаться с действительностью, обалдели; 2) так как новый строй, конечно, был не по шерsti верхам, то начала образовываться реакция, находившая себе покровительство наверху, – реакция, в своих правых флангах явившаяся столь же безумной и нахальной, как левые фланги революционно-либеральных партий; 3) правительство Столыпина, «для которого решительно все равно, будет ли конституция или неограниченный абсолютизм, лишь бы составить

¹²⁵ Крыжановский С. Е... с. 172.

¹²⁶ См. подробнее: Крыжановский С. Е... с. 126.

¹²⁷ Крыжановский С. Е... с. 128.

¹²⁸ Шанин Т..., с. 386.

¹²⁹ Тыркова-Вильямс А..., с. 458, 459.

¹³⁰ Цит. по: Лехович Д. В. Белые против красных. – М.: Воскресенье, 1992, Гл. II. Между двумя войнами.

¹³¹ С. Шереметев 23.03.1911. – императрице Марии Федоровне, Дневник СД. Шереметева // РГАДА. Ф. 1287. Оп. 1. Д. 5056. Л. 56 об, 58–59, 66.; См. о том же А. К. Варженевский – С. Д. Шереметеву, 12.04.1911. // РГАДА, ф. 1287, оп. 1, д. 5102. л. 204 об.; См. так же, Дневник кн. В. М. Голицына. 15(28).05.1911. // ГО РГБ. Ф. 75. Д. 30. Л. 331–332 (См. подробнее: Бородин А. П..., с. 207, 135)

¹³² Красный архив. 1936, т. 1 (74), с. 186, 187 (Бородин А. П..., с. 208)

карьеру», которое на словах «мы за свободу», а на деле, благо это возможно и выгодно, «за полнейший полицейский произвол»¹³³.

При этом у «правых» оставался еще один рубеж обороны – Государственный Совет, который П. Миллюков назвал «пробкой», превратившейся в «кладбище думского законодательства». Лидер кадетов буквально вторил П. Столыпину, который говорил Председателю Госдумы М. Родзянко: «Что толку в том, что успешно проведешь хороший закон через Государственную Думу, зная наперед, что в Государственном совете его ожидает неминуемая пробка»¹³⁴. Государственный совет, пояснял С. Беккер, являлся ярким представителем сохранения сословного принципа власти: из 98 выборных его членов 74 – были представителями землевладельцев, большей частью дворян¹³⁵.

Таб. 1. Составы Государственных Дум¹³⁶

	I	II	III	IV
<i>Правые партии</i>				
Крайне правые	38	63	52	65
Умеренно правые (октябристы, центристы)	38	34	226	208
<i>Левые партии</i>				
Прогрессисты			39	48
Кадеты	184	123	53	59
Национальные депутаты	32	39	26	21
Трудовики и «левее к.-д.»	85	97	14	9
Социалисты	26	83	14	15
<i>Беспартийные</i>	112	22	16	7

Несмотря на «подобранный» характер III Думы, подавленное «переворотом 1907 г.» политическое противостояние не только не ослабло, а наоборот лишь накапливало в себе потенциальную энергию взрыва. «То, что происходит теперь, неясно, – отмечал этот факт в декабре 1910 г., т. е. относительно благополучное время, один из лидеров «объединенного дворянства» гр. А. Бобринский, – По видимому, начинается заря второй революции»¹³⁷. Острота

¹³³ Витте С. Ю.... т. 2, с. 414, 415.

¹³⁴ Родзянко М. В...., с. 235.

¹³⁵ См. подробнее: Korros Alexandra S. The Landed Nobility, the State Council, and P. A. Stolypin (1907–1911) // Haimson Leopold H. (ed.). The Politics of Rural Russia, 1905–1914 (Bloomington, 1979). P. 126–127. (Беккер С..., с. 264)

¹³⁶ Состав Государственных Дум разнится по источникам по партийной принадлежности и по сессиям Думы. См., например: Каминка А. И. и Набоков В. Д. Вторая государственная Дума. – СПб.: Общественная польза. 1907., с. 18 <https://dlib.rsl.ru/viewer/01003740790#?page=34>; БСЭ, 1-е изд., т. 18, М., 1930, с. 295–296, 301; Федоров Б. Г..., т. 1, с. 409. В данном случае приведены сокращенные данные непосредственного участника событий П. Миллюкова. (Миллюков П. Н..., с. 277.)

¹³⁷ Дневник А. А. Бобринского (1910–1911 гг.) // Красный архив. 1928, т.1 (26), с. 140.

этого противостояния наиболее наглядно проявилась в убийстве в сентябре 1911 г. П. Столыпина. Тем не менее, III Дума проработала весь свой пятилетний срок – до июня 1912 г.

Суть произошедших в IV Думе перемен, – по словам П. Милюкова, заключалась в том, что «компромисс оказался невозможным и потерял всякое значение... Два противоположных лагеря стояли теперь открыто друг против друга...»¹³⁸. Символичным стало возникновение в 1912 г. новой партии – прогрессистов, представлявшей интересы крупных промышленников, открыто перешедших в оппозицию к власти¹³⁹.

Министр внутренних дел Н. Маклаков в 1913 г. в своих сообщениях Николаю II неоднократно настаивал на необходимости роспуска Государственной Думы, обосновывая этот шаг тем, что «Дума прокладывает путь к свободе революции»; «я борюсь против неудержимо растущего у всех стремления, забыв царя, в одном общественном мнении видеть начало и конец всего»; «Родзянко – только исполнитель, напыщенный и неумный, а за ним стоят его руководители, гг. Гучковы, кн. Львов и другие, систематически идущие к своей цели»¹⁴⁰.

«Великий русский народ переживает невыносимо тягостное положение, – писал Николаю II в марте 1913 г. советник императора А. Клопов, – Всем нам, старым и малым, богатым и бедным, живется тяжело. Все мы боимся завтрашнего дня и своей будущности. Всюду царствует или апатия, или раздражение, хаос, безнравственность, безнадежность... Во всех областях государственной и общественной деятельности получились как бы два воюющих и не понимающих друг друга лагеря... Наша современная жизнь стоит на вулкане...»¹⁴¹.

Наглядным подтверждением этих слов был взрывной рост рабочего движения: в 1911 г. бастовало 105 тыс., в 1912 г. – более 1 млн., в первом полугодии 1914 г. – 1337 тыс. рабочих¹⁴². «Мостик к мирному исходу совсем разрушен», утверждал 24 мая 1913 г. на заседании своего ЦК П. Милюков, «другого исхода, кроме насильственного, при безоглядно-реакционном направлении политики правительства, нет»¹⁴³. В конце сентября 1913 г. известный публицист М. Меньшиков, в один голос с ведущим сотрудником газеты «Новое время» (братом П. Столыпина) Александром, отмечал: «Внутри России опять начинает пахнуть 1905 годом»¹⁴⁴. Внутреннее напряжение дошло до того, что 18 октября 1913 г. в письме министру внутренних дел Н. Маклакову Николай II требовал подготовить «роспуск Думы и объявление Питера и Москвы на положении чрезвычайной охраны...»¹⁴⁵.

В ответ, 8 ноября 1913 г. с трибуны Государственной Думы лидер октябристов А. Гучков заявил: «надо одуматься Россия накануне второй революции... положение очень серьезное..., правительство своей неправильной политикой ведет Россию к гибели», в сущности, по словам председателя Госдумы М. Родзянко, речь Гучкова «была антидинастическая»¹⁴⁶. В те же ноябрьские дни А. Гучков, на съезде своей партии, предложил «перейти в резкую оппозицию и борьбу» – и притом не с бессильным правительством, а со стоящими за ним безответствен-

¹³⁸ Милюков П. Н... с. 461.

¹³⁹ Селецкий В. Н. Прогрессизм как политическая партия и идейное направление в русском либерализме. М., 1996.

¹⁴⁰ Цит по: Милюков П..., с. 495.

¹⁴¹ Клопов А. А. – Николаю II. 23 марта 1913 г. // Тайный министр императора/ авт. Сост. В. М. Крылов, Н. А. Малеванов, В. И. Травин. СПб., 2002, с. 412–413.

¹⁴² См. подробнее о причинах этого явления: Галин В. Капитал Российской империи. // Политэкономика истории, т.1. Гл. Революционный разворот.

¹⁴³ Протоколы ЦК Конституционно-демократической партии. 1912–1914. Т.2. М., 1997. С. 207. (Цит. по: Островский А. В.,..., с. 195).

¹⁴⁴ Меньшиков М. О. Невоспитанный народ. // Новое время. 26 сентября 1913 г.; Ст[олыпин]н А. Заметки. // Новое время. 28 сентября 1913 г. (См. подробнее: Островский А. В.,..., с. 195.)

¹⁴⁵ Монархия перед крушением, 1914–1917. Бумаги Николая II и другие документы. Статьи В. П. Семенникова. – М., Л.: Госиздат, 1927., с. 91–92.

¹⁴⁶ Родзянко М. В.,..., с. 91.

ными «темными» силами. Он грозил иначе «неизбежной тяжелой катастрофой», погружением России в «длительный хаос»¹⁴⁷.

В этих условиях Николай II вновь обратился к идее выработки какого-либо соглашения с оппозицией. В ответ, бывший министр внутренних дел, лидер правых в Госсовете П. Дурново в феврале 1914 г. писал Николаю II: «Хотя и звучит парадоксом, но соглашение с оппозицией в России безусловно ослабляет правительство. Дело в том, что наша оппозиция не хочет считаться с тем, что никакой реальной силы она не представляет. Русская оппозиция сплошь интеллигентна, и в этом ее слабость, так как между интеллигенцией и народом у нас глубокая пропасть взаимного непонимания и недоверия».

Либеральное присутствие в Государственной Думе обеспечено только благодаря искусственному выборному закону, мало того, нужно еще и прямое воздействие правительственной власти, чтобы обеспечить его избрание в Гос. Думу. «Откажи им правительство в поддержке, предоставь выборы их естественному течению, – и законодательные учреждения не увидели бы в самых стенах ни одного интеллигента, помимо нескольких агитаторов-демагогов»¹⁴⁸.

«Государственная дума решительно никакой поддержкой в стране не пользовалась, – подтверждал видный представитель либеральных деловых кругов А. Бубликов, – Правительство могло распускать ее сколько угодно – и в стране не раздалось и тени протеста. Если ее не разгоняли вовсе, то только потому, что ее умели «обезвреживать» через законодательную obstruction верхней палаты и потому, что немного опасались за границы – как бы не лишили кредита»¹⁴⁹.

Консервативные круги, в свою очередь, все больше возлагали свои надежды на появление «сильной руки» – «Нужен сильный», – писал в своей статье в 1911 г. М. Меньшиков¹⁵⁰. «Московское дворянское собрание, – по словам М. Вебера, – было первым местом, где после выборов ненависть к демократии вылилась в резолюцию, требовавшую военной диктатуры»¹⁵¹. Непримируемость сторон привела к тому, что в начале 1914 г., на очередном совещании кадетской партии, один из ее лидеров Н. Некрасов заявил «о необходимости готовиться к надвигающейся революции», поскольку «мирный выход из создавшегося тупика» маловероятен¹⁵².

* * * * *

К этому времени идея войны, как инструмента способного разрубить гордиев узел накопившихся противоречий, уже витала в воздухе. «Дело было в Третьей Думе..., – вспоминал Шульгин, – Высказывает В. Маклаков (один из кадетских лидеров) и ко мне: «Кабак!» – сказал громко, а потом, понизив голос, добавил: «Вот что нам нужно: война с Германией и твер-

¹⁴⁷ Выступление А. Гучкова 7–10 ноября 1913 г. на совещании октябристов (Цит. по: Милуков П. Н... с. 488–489; то же: Гучков А. И. Общее политическое положение и Союз 17 октября//ГАРФ. Ф. 115. Оп.1. Д. 113., Л. 206. (Островский А. В....., с. 145)).

¹⁴⁸ Меморандум члена Государственного совета, бывшего министра внутренних дел П. Н. Дурново Николаю II, подан в феврале 1914 г. Опубликован «Красная новь» № 6, 1922 г.

¹⁴⁹ Бубликов А. А....., с. 47.

¹⁵⁰ Меньшиков М. Нужен сильный. 20 августа 1911 г.// Меньшиков М. Письма к русской нации. Под ред. М. Смолина, 151 с., с. 77–78.

¹⁵¹ М. Вебер. Переход России к псевдоконституционализму (РИЖ, т. III, 2000, N 1–4, с. 611)

¹⁵² Протоколы ЦК Конституционно-демократической партии. 1912–1914. Т.2. М., 1997. С. 260, 269–270. (Цит. по: Островский А. В....., с. 197).

дая власть»¹⁵³. «Войны боится и центр, и крайне правые, – отвечал другой кадетский лидер А. Шингарев, – потому что бояться революции»¹⁵⁴.

И для подобных опасений правых были свои основания, подтверждением тому был опыт русско-японской войны, по итогам которой в 1906 г. ген. Е. Мартынов писал: «Что касается так называемой *«передовой интеллигенции», то она смотрела на войну как на время, удобное для достижения своей цели*. Эта цель состояла в том, чтобы сломить существующий режим и взамен его создать свободное государство. Так как достигнуть этого при победоносной войне было, очевидно, труднее, чем во время войны неудачной, то наши радикалы не только желали поражений, но и старались их вызвать...»¹⁵⁵.

Предупреждая превратное толкование подобной политики оппозиции, П. Милюков во время русско-японской войны пояснял: «Следует помнить, что по необходимости наша любовь к родине принимает иногда неожиданные формы и что ее кажущееся отсутствие на самом деле является у нас наивысшим проявлением подлинно патриотического чувства»¹⁵⁶. Результаты русско-японской войны показали, отмечал в 1905 г. М. Вебер, что *«только неудачная война могла бы окончательно покончить с самодержавием»*¹⁵⁷.

Любая война является своеобразным кровавым экзаменом для власти, поражение в войне, говорит о ее неспособности обеспечить не только конкурентоспособное развитие общества, но и даже его выживание. Поражение в войне является приговором не просто для действующей власти, а для всей существующей политической системы. «Войны ужасны, но необходимы, – приходил к выводу в 1901 г. в своей книге о Гегеле, немецкий философ К. Фишер, – ибо они спасают государство от социальной окаменелости и стагнации...»¹⁵⁸.

Правые, боялись войны, но вместе с тем, только в ней они видели средство способное подавить ростки грядущей революции: то, «что русское общество и даже простонародье переживает период смуты – это верно, но именно война, – указывал в 1910 г. видный консервативный публицист М. Меньшиков, – самое действительное средство скристаллизовать снова дух народный»¹⁵⁹. Механизм действия «маленькой победоносной войны», по словам американского историка Дж. Хоскинга, заключался в том, что армия в России несла моральную функцию, являя собой основу самодержавия, «она была главным законообразующим институтом монархии. До тех пор, пока русская армия одерживала победы на полях сражений Европы и Азии, право царя на управление государством не вызывало сомнений»¹⁶⁰.

Российская монархия, в данном случае, не была исключением. Инструмент «маленькой победоносной войны», является одним из наиболее широко распространенных во всем мире, к нему прибегало и прибегает, в том или ином виде, все даже самые развитые и демократические государства, для решения своих внутренних проблем в период их обострения. Причина этого заключается в том, пояснял М. Меньшиков, что «в

¹⁵³ Цит. по: Яковлев Н. Н..., с. 336.

¹⁵⁴ Ф. 523 ЦК Партии Кадетов Опись 1. Д. 30. Л. 8 (Шацилло К. Ф..., с. 321.).

¹⁵⁵ Мартынов Е.И..., гл.: XII. Дух и настроение обеих армий.

¹⁵⁶ Предисловие к книге «Russia and its crisis», New York. 1905. (Цит. по: Ольденбург С. С..., гл. 10).

¹⁵⁷ Вебер М. К. состоянию буржуазной демократии..., с. 310.

¹⁵⁸ Kuno Fischer, «Hegel, Leben, Werke und Lehre». 1901, part I, p. 737. (Friedrich von Bernhardi... THE RIGHT TO MAKE WAR)

¹⁵⁹ Меньшиков М. О. Может ли Россия воевать. 18 февраля 1910 г. // Меньшиков М. О. Из писем к ближним. М.: Воениздат. 1991.

¹⁶⁰ Хоскинг Дж..., с. 335–336.

психологии всего живого существует закон самосохранения; ничто так резко не может разбудить этот инстинкт в народе, как явная национальная опасность...». В случае ее отсутствия внутреннее политическое или социальное «соперничество, не нашедшее внешнего выхода, обращается внутрь и, как всякая неудовлетворенная страсть, вместо полезной работы начинает совершать разрушительную»¹⁶¹.

Общая внутривнутриполитическая дилемма, которую ставит война, заключается в том, что ничто так не укрепляет власть, как победоносные войны, а поражения, если не убивают страну совсем, так же неизбежно ведут к реформам:

Победа России в войне 1812 г. привела к усилению крепостного права и почти на полвека задержала его отмену, в то же время поражение в Крымской войне в 1856 г. дало толчок к «великому освобождению» и началу либеральных реформ 1861 г. В связи с этим российское общественное мнение того времени приходило к выводу, что «поражение России сноснее и даже полезнее того положения, в котором она находилась последнее время»¹⁶². Победа в русско-турецкой войне 1878 г. придала силу «реставрации крепостничества», в то время как поражение в русско-японской 1905 г. наоборот вызвало реформы П. Столыпина и введение парламентаризма.

С этой же дилеммой Россия столкнулась накануне Первой мировой войны: «Мы в Совете министров, – вспоминал министр финансов П. Барк, – при первом докладе Сазонова 11 июля 1914 г., обрисовавшего нам всю международную обстановку, вполне сознавали, что неудачная война означает гибель великодержавной России и вероятную революцию»¹⁶³. Тем не менее, несмотря на царящие тревожные настроения, Совет министров практически единогласно поддержал министра иностранных дел С. Сазонова о необходимости вступления в войну¹⁶⁴.

«С. Сазонов, – по словам последнего дворцового коменданта В. Воейкова, – держался того мнения, что только война может предупредить революцию, которая непременно вспыхнет, если войны не будет»¹⁶⁵. «Маленькая победоносная война», казалось «действительно была средством, необходимым для восстановления жизнеспособности и престижа царского режима...», – подтверждает американский историк Р. Уорт, – в первой половине 1914 года проявились зловещие признаки угрозы, которую могли предотвратить только война или кардинальные реформы...»¹⁶⁶. И Россия здесь не была исключением, с подобной дилеммой столкнулись все участники Первой мировой¹⁶⁷.

Объявление войны было широко поддержано либеральной общественностью. Председатель Государственной Думы октябрист М. Родзянко уже во время второй Балканской войны в 1913 г., неоднократно обращался к Николаю II, настаивая на «решительных действиях» во внешней политике»¹⁶⁸, утверждал, что «война будет встречена с радостью и поднимет престиж власти»¹⁶⁹. В июле 1914 г., когда Николай II «внезапно заколебался и приказал остановить мобилизацию военных округов», в ответ М. Родзянко заявил министру иностранных дел, ехавшему на доклад к государю: «я, как глава народного представительства, категориче-

¹⁶¹ Меньшиков М. О. Может ли Россия воевать. 18 февраля 1910 г. // Меньшиков М. О. Из писем к ближним. М.: Воениздат. 1991.

¹⁶² Кошелев Записки, с. 81–82. (Покровский М..., т. 3, с. 102)

¹⁶³ Барк П. Л..., т.1, с. 277.

¹⁶⁴ Барк П. Л..., т.1, с. 220–223.

¹⁶⁵ Воейков В. Н..., с. 71.

¹⁶⁶ Уорт Р..., с. 10.

¹⁶⁷ См. подробнее: Галин В. Первая мировая. // Политэкономика истории, т.2. Гл.: SUPREMA LEX DE CAPITALISMUS.

¹⁶⁸ Родзянко М. В..., с. 86.

¹⁶⁹ Родзянко М. В..., с. 82–83, 85.

ски заявляю, что народ русский никогда не простит проволочку времени...»¹⁷⁰. И именно на общественное мнение, на решающем Совете министров, требуя вступления в войну, сошлется второй человек в правительстве А. Кривошеин: «Члены парламента и общественные деятели не поймут, почему в самый критический момент, когда речь идет о жизненных интересах России, правительство империи отказывается действовать решительно и твердо...»¹⁷¹.

Война и политическая борьба

Для меня было ясно, что монархия не в состоянии довести эту войну до конца и должна быть какая-то другая форма правления, которая может закончить эту войну.

А. Колчак¹⁷²

Начало Первой мировой вызвало всеобщий «патриотический подъем, который, – как вспоминал начальник петроградского охранного отделения К. Глобачев, – захватил Россию в момент объявления войны в июле 1914 г. и увеличивался под влиянием наших успехов в Восточной Галиции. Слабые проблески оппозиции и подпольного революционного движения, которые всегда захватывали некоторую часть нашей либеральной интеллигенции и рабочего класса, были совершенно подавлены»¹⁷³.

В либеральных кругах начало войны было встречено настоящим взрывом патриотических чувств, в воззвании ЦК партии кадетов, опубликованном в партийной газете «Речь», говорилось: «Каково бы ни было наше отношение к внутренней политике правительства, наш первый долг сохранить нашу страну единой и неделимой и защищать ее положение мировой державы, оспариваемое врагом. Отложим наши внутренние споры, не дадим противнику ни малейшего предлога рассчитывать на разделяющие нас разногласия и будем твердо помнить, что в данный момент первая и единственная наша задача – поддержать наших солдат, внушая им веру в наше правое дело, спокойное мужество и надежду на победу нашего оружия...»¹⁷⁴.

«Священное единение продолжалось, однако же, недолго. И не по вине Думы, – утверждал П. Миллюков, – оно было нарушено. Заседание 26 июля было единственным, и мы ничего против этого не имели, в виду серьезности момента... Но уже накануне мы узнали, что по проекту Н. Маклакова Дума не будет собрана до осени 1915 г., то есть больше года. Тут проявилось не только оскорбительное отношение к Думе, но и прямое нарушение основных законов»¹⁷⁵. В результате продолжал лидер кадетов, «борьба с правительством, очевидно, была безнадежна и теряла интерес. На очередь выдвигалась апелляция Думы непосредственно к верховной власти. И сессия открылась рядом заявлений о том, что с данным правительством сговориться невозможно – и не стоит сговариваться»¹⁷⁶.

Истинная причина разрушения «Священного единения», по мнению секретаря московского градоначальника В. Брянского, крылась в том, что для оппозиционных партий оно являлось не столько искренним порывом, сколько вынужденной мерой: уже «через несколько дней после объявления войны, – вспоминал он, – в квартире графа (И. Толстого, Петербургского

¹⁷⁰ Родзянко М. В...., с. 101.

¹⁷¹ Цит. по: Lieven D. C. B. Russia and the Origins of the First World War. – London: Macmillan, 1983. – p. 142–143. (Хоскинг Дж. Россия и русские в 2 кн., – М.: АСТ, Транзиткнига, 2003. – 492 с., с. 57.

¹⁷² Протоколы допроса А. Колчака. 29.01.1920. // Архив Русской Революции – Берлин: Слово. 1923, т. 10, с. 211.

¹⁷³ Глобачев К. И...., Часть I, Гл. VI Министры внутренних дел последних двух лет монархии.

¹⁷⁴ Миллюков П. Н... с. 486–487.

¹⁷⁵ Миллюков П. Н... с. 486–487.

¹⁷⁶ Миллюков П. Н... с. 497

Городского Головы) состоялось совещание левых (либеральных) фракций Гос. Думы начиная с кадетов. На этом совещании был поднят вопрос, не надлежит ли левым (либеральным) партиям использовать созданное войной трудное положение Правительства для производства государственного переворота. После долгих обсуждений было решено, что революция в настоящее время невозможна, т. к. патриотический подъем, охвативший население, сметет левые партии, но что пока надо готовиться к революции, стараясь занять все видные места членами левых (либеральных) партий»¹⁷⁷.

Активизация деятельности либеральной общественности была вызвана, успехами первых месяцев войны. «Неужели эта война, – отражал настроения этой общественности член партии кадетов, офицер И. Ильин, – не принесет свободы, прав и всего того, за что мы воюем?»¹⁷⁸ «Твердое решение воспользоваться войной для производства переворота принято нами вскоре после начала этой войны, ждать мы больше не могли, – пояснял лидер кадетов П. Милюков, – ибо знали, что в конце апреля или начале мая наша армия должна перейти в наступление, результаты коего сразу в корне прекратили бы всякие намеки на недовольство, вызвали бы в стране взрыв патриотизма и ликования»¹⁷⁹.

«Правительство полагало, что войну должно и можно выиграть одно оно, – возмущался председатель Государственной Думы октябрист М. Родзянко, – Царское правительство, без немедленной организации народных сил...»¹⁸⁰. Победоносная война вела к укреплению самодержавия и окончательно разрушала все надежды оппозиции на скорый успех в борьбе за власть.

Кризис власти

Революция – есть свыше ниспосланная кара за грехи прошлого, роковое последствие старого зла... Революция всегда говорит о том, что власть имеющие не исполнили своего назначения... В обществе была болезнь и гниль, которые и сделали неизбежной революцию... Сверху не происходило творческого развития, не излучался свет, и потому прорвалась тьма снизу. Так всегда бывает. Это – закон жизни.

Н. Бердяев¹⁸¹

Первые тревожные симптомы стали проявляться с началом «Великого отступления» 1915 г. Характеризуя обстановку на фронте, военный министр и одновременно председатель Особого совещания по обороне ген. А. Поливанов сообщал Совету министров: «на фронте и в армейских тылах можно каждую минуту ожидать непоправимой катастрофы, Армия уже не отступает, а попросту бежит. Ставка окончательно потеряла голову»¹⁸². Начальник штаба Верховного главнокомандующего ген. Н. Янушкевич откровенно паниковал, требуя «Монаршего акта, возвещающего о наделении землею наиболее пострадавших и наиболее отличившихся воинов», поскольку «драться за Россию красиво, но масса этого не понимает»¹⁸³...

¹⁷⁷ Брянский В. В...., с. 38.

¹⁷⁸ Ильин И. С...., с. 96. (28 февраля 1915 г.)

¹⁷⁹ Цит. по: Смирнов А. Ф. Государственная Дума Российской Империи. 1906–1917. Историко-правовой очерк. – М.: Книга и бизнес, 1998.–624 с., с. 582.

¹⁸⁰ Родзянко М. В...., с. 243.

¹⁸¹ Бердяев Н. Философия неравенства. – Берлин. Обелиск. 1923, с. 9.

¹⁸² Заседание 6 Августа 1915 г. (Цит. по: Яхонтов А. Н...., с. 52–53).

¹⁸³ Заседание 24 Июля 1915. (Яхонтов А. Н...., с. 23).

«Я был на фронте и видел все..., – вспоминал видный монархист В. Шульгин, – Неравную борьбу безоружных русских против ураганного огня немцев... И когда снова была созвана Государственная Дума, я принес с собой, как и многие другие, горечь бесконечных дорог отступления и закипающее негодование армии против тыла... Я чувствовал себя представителем армии, которая умирала так безропотно, так задаром, и в ушах у меня звучало: пришлите нам снарядов! ...Неудачи сделали свое дело... В особенности повлияла причина отступления... И против власти... неумелой... не поднявшейся на высоту задачи... сильнейшее раздражение...»¹⁸⁴.

«У нас нет снарядов и не хватает патронов. Необходимо народное представительство, иначе все равно ничего не выйдет»¹⁸⁵, – отражал эти настроения в июне 1915 г. И. Ильин, «Офицеры положительно делаются революционерами, и ведь это кавалеристы! Возмущаются порядками, хищениями»¹⁸⁶.

«Общее положение на фронте по-прежнему безотрадное, – подтверждал в июле 1915 г. управляющий делами Совета министров А. Яхонтов, – Немцы насаждают, не встречая почти никакого сопротивления. В обществе назревает тревога. Кое-где начались беспорядки среди призывных и в местных гарнизонах. Определенно обнаруживается, что Дума настроена неприемлемо. Правительство не может ждать от нее поддержки. Население, подогреваемое печатью, смотрит на Государственную Думу, как на магическую исцелительницу от всех бед и несчастий. Из Ставки идут вопли о пополнениях и снарядах. Генералы все более начинают заниматься внутренней политикой, стараясь отвлечь от себя внимание и перенести ответственность на другие плечи... Настроение в Совете Министров подавленное, Чувствуется, какая-то потерянности. Отношения между отдельными Членами и к Председателю приобретают, нервный характер...»¹⁸⁷.

«Получилось полное впечатление краха. Армия... не отступала, а бежала, бросая по дороге материальную часть и огромные склады продовольствия и фуража, взрывая форты сильнейших крепостей и оставляя без одного выстрела, прекрасно укрепленные позиции..., – вспоминал один из очевидцев «великого отступления» 1915 г., – Нужно было какое-то крупное решение. И вот в этот момент государь принял на себя всю ответственность за дальнейшую судьбу Отечества»¹⁸⁸.

Николай II хотел встать во главе армии еще в августе 1914 года, «но решительно все министры высказались против этого желания, доказывая императору, что все возможные неудачи, которые могут быть всегда, свалятся на него как на главного виновника»¹⁸⁹. Однако 4 августа 1915 г., когда армия оказалась на грани поражения, а страна – революции, Николай II принял командование армией на себя. Решение Николая II передал председатель Совета министров И. Горемыкин: «когда на фронте почти катастрофа, его величество считает священной обязанностью русского царя быть среди войск и с ними либо победить, либо погибнуть...»¹⁹⁰.

Реакцию высшего командного состава на этот шаг Николая II передавал адмирал А. Колчак: «Я смотрел на назначение государя..., только как на известное знамя, в том смысле, что верховный глава становится вождем армии..., но фактически всем управлял (начальник штаба

¹⁸⁴ Шульгин В. В..., с. 113–114.

¹⁸⁵ Ильин И. С..., с. 123. (4 июня 1915 г.)

¹⁸⁶ Ильин И. С..., с. 124. (10 июня 1915 г.)

¹⁸⁷ Заседание 24 Июля 1915. (Яхонтов А. Н..., с. 23).

¹⁸⁸ Русская летопись. 1928, № 7.

¹⁸⁹ Адмирал Григорович. ЦГАВМФ. ф. 701, оп.1, Д.5, с. 107. (Мультатули П. В...)

¹⁹⁰ Заседание 6 Августа 1915 г. (Яхонтов А. Н..., с. 54).

Верховного главнокомандующего) Алексеев. Я считал Алексеева в этом случае вышестоящим и более полезным, чем Николай Николаевич»¹⁹¹.

Решение Николая II отвечало вроде бы и требованиям правительства. Например, А. Кривошеин, которого современники считали, а исследователи называли, фактическим премьером (И. Горемыкина только – формальным)¹⁹², на секретном совещании Совета министров в июле 1915 г. заявлял: «Ставка ведет Россию в бездну, к катастрофе, к революции... Нельзя забывать, что положение о полевом составлялось в предположении, что Верховным Главнокомандующим будет сам император. Тогда никаких недоразумений не возникало бы, и все вопросы разрешались бы просто: вся полнота власти была бы в одних руках»¹⁹³.

Решение царя вроде бы отвечало чаяниям и либеральной общественности: военно-морская комиссия Думы, еще до решения Николая II, подала ему доклад, подписанный ее председателем кадетом А. Шингаревым и восемью другими членами Думы. Доклад содержал обвинения правительства и Главнокомандующего и был пронизан мыслью, что «общественность должна взять в свои руки обеспечение войны». В конце доклада говорилось, что «только непрекаемой царской властью можно установить согласие между ставкой великого князя, Верховного командования и правительством». Из этого, по мнению ген. Н. Головина, «Николай II имел полное право сделать логический вывод о том, что русские общественные круги желают, чтобы монарх в своем лице совместил управление страной и Верховное Главнокомандование»¹⁹⁴.

Однако, как только решение Николая II встать во главе Армии было принято, оно произвело настоящий взрыв, который трудно охарактеризовать другими словами, как взрыв отчаяния. «Надо протестовать, умолять, настаивать, просить, словом – использовать все доступные нам способы, – восклицал А. Кривошеин, – чтобы удержать Его Величество от бесповоротного шага. Мы должны объяснить, что ставится вопрос о судьбе династии, о самом троне, наносится удар монархической идее, в которой и сила, и вся будущность России»¹⁹⁵. «Повсюду в России настроения до крайности напряжены. Пороху везде много. Достаточно одной искры, чтобы вспыхнул пожар..., – пояснял Обер-прокурор святейшего Синода А. Самарин, – смена Великого Князя и вступление Государя Императора в предводительство армией явится уже не искрой, а целой свечою, брошенной в пороховой погреб. Во всех слоях населения, не исключая деревни, думские речи произвели страшное впечатление и глубоко повлияли на отношение к власти...»¹⁹⁶.

Правительство откликнулось на решение его величества коллективным письмом восьми министров, в котором они, угрожая отставкой, требовали от Николая II отказаться от своего решения, которое: «грозит... России, Вам и династии Вашей тяжелыми последствиями... Находясь в таких условиях, мы теряем веру в возможность с сознанием пользы служить Вам и Родине»¹⁹⁷.

Против решения Николая II выступила и думская оппозиция: Председатель Государственной Думы «заявил Его Величеству..., что Царь наша последняя ставка, что армия положит оружие, что в стране неминуем

¹⁹¹ Допрос Колчака. Архив Русской Революции. Т. 10, с. 213–214.

¹⁹² См. например: комментарии С. В. Куликова (Покровский Н. Н...., с. 320–321, 337).

¹⁹³ Заседание 16 июля 1915 г. (Яхонтов А. Н...., с. 21).

¹⁹⁴ Головин Н. Н. Военные усилия России в Мировой войне. Париж: Товарищество Объединенных Издателей, 1939, т. 2, с. 154.

¹⁹⁵ Заседание 6 Августа 1915 г. (Яхонтов А. Н...., с. 54–55).

¹⁹⁶ Заседание 10 Августа 1915 г. (Яхонтов А. Н...., с. 60).

¹⁹⁷ Коллективное письмо министров Николаю II 21 августа (3 сентября) 1915 г. (Яхонтов А. Н...., с. 92); то же: Барк П. Л...., т. 2, с. 76.

взрыв негодования...»¹⁹⁸. Против выступил и британский посол, который подчеркнул, «что его величеству придется нести ответственность за новые неудачи, могущие постигнуть русскую армию, и что вообще совмещать обязанности самодержца великой империи и верховного главнокомандующего – задача непосильная для одного человека»¹⁹⁹.

Однако, несмотря на все возражения и протесты, Николай II принял на себя Верховное командование. С этого времени, отмечал министр финансов П. Барк, в Совете министров «выяснилась глубокая отчужденность между его Величеством и министрами»²⁰⁰; «Совет министров, как объединенное правительство, перестал существовать, министры превратились в простых начальников своих ведомств... Понятно, что при таких условиях авторитет правительства не мог не пострадать»²⁰¹. Отъезд Николая II в Ставку окончательно деморализовал министров. «Все в России делалось «по приказу его императорского величества», – указывал на причину этого явления В. Шульгин, – Это был электрический ток, приводящий в жизнь все провода. И именно этот ток обессиливался и замирал, уничтоженный безволием»²⁰².

Фактическим представителем верховной власти в столице оказалась императрица Александра Федоровна: «тебе надо бы быть моими глазами и ушами там, в столице пока мне приходится сидеть здесь, – писал Николай II своей жене, – На твоей обязанности лежит поддерживать согласие и единение среди министров... наконец-то ты нашла себе подходящее дело! Теперь я, конечно, буду спокоен, и не буду мучиться, по крайней мере, о внутренних делах»²⁰³. О характере самой императрицы говорила ее реакция на ультиматум министров: «Я не терплю министров, которые пытаются отговорить его (Николая II) от исполнения своего долга. Положение требует твердости. Царь, к сожалению, слаб, но я сильна и буду такой и впредь»²⁰⁴.

Со времени переезда Государя в Ставку, Александра Федоровна, по словам В. Брянского, «неофициально стала регентшей, и Министры были принуждены, – независимо от докладов в Ставке, ездить к ней с очередными докладами, а ее повеления сделались почти равнозначными Царским распоряжениям. Все близко знавшие Государыню, как преданные ей, так и не любившие ее люди, единогласно утверждают, что она поражала всякого входившего с ней в общение, своим обширным, мужского склада, умом и разносторонними знаниями в делах Государственного управления...», однако при этом «Государыня была окружена весьма темными личностями, которые старались использовать ее власть для своих личных, в большинстве случаев низких, целей»²⁰⁵.

Целый ряд высших лиц обращались к Николаю II с предостережением об опасности вмешательства Александры Федоровны в управление государством. «Так дальше управлять Россией невыносимо..., – писал императору, вл. кн. Николай Михайлович, – огради себя от постоянных, систематических

¹⁹⁸ Заседание 11 Августа 1915 г. (Яхонтов А. Н...., с. 62–63).

¹⁹⁹ Бьюкенен Дж..., с. 168

²⁰⁰ Барк П. Л..., т. 2, с. 83–84.

²⁰¹ Барк П. Л..., т. 2, с. 131.

²⁰² Шульгин В. В..., с. 165–166.

²⁰³ Николай II – Александре Федоровне. 23 сентября 1916 г.// Переписка Николая II и Александры, с. 765. (Барк П. Л... т. 2, с. 249).

²⁰⁴ Цит. по: Бьюкенен Дж..., с. 168

²⁰⁵ Брянский В. В..., с. 158; См. так же: Мосолов А. А..., Гл. Мнимый великокняжеский заговор.

вмешательств этих нашептываний через любимую супругу. Если бы тебе удалось устранить это постоянное вторгательство во все дела темных сил, сразу началось бы возрождение России и вернулось бы утраченное тобою доверие громадного большинства твоих подданных... Ты находишься накануне эры новых волнений, скажу больше новых покушений»²⁰⁶.

С подобными предостережениями выступали нач. Генерального штаба Алексеев, ген. Гурко, протопресвитер Шавельский, Пуришкевич, Родзянко, вл. кн. Александр Михайловичи и сама вдовствующая императрица и многие другие, «но, – как отмечал ген. Деникин, – никакие представления не действовали»²⁰⁷.

«После отъезда царя в ставку столица со всею своею политическою жизнью очутилась в каком-то нелепом, как бы нелегальном положении. Решение государя сильно отозвалось на внутреннем управлении страной, – вспоминал начальник канцелярии Министерства императорского двора ген. А. Мосолов, – Не было настоящего кабинета, а был лишь Совет министров. Председатель его, престарелый Горемыкин, никак не мог достигнуть единомыслия со своими министрами, и результатом этого было полное отсутствие единства в управлении. Работа шла, но ею не руководили»²⁰⁸.

«До тех пор пока Государь жил в Петербурге, он еще являлся тем фокусом, в котором государственная власть как-то централизовалась», – подтверждал плк. Р. Раупах, но когда он «уехал в Ставку..., тогда государственная власть расплылась и стала походить на сошедший с рельс, и нелепо метавшийся из стороны в сторону железнодорожный вагон»²⁰⁹.

Основную причину постоянного ухудшения положения в стране министр иностранных дел С. Сазонов, видел именно в наглядно обнажившемся кризисе власти: «Для всех очевидно, что причина всеобщего недовольства в стране кроется в том, что правительство висит в воздухе и никого не удовлетворяет»²¹⁰; «правительство не может висеть в безвоздушном пространстве и опираться на одну только полицию»²¹¹. Ощущение кризиса власти в полной мере передавали секретные совещания Совета министров августа 1915 г.: снова «поговорили о тяжком положении правительства, о начале решительного штурма на власть, открыто проповедываемого печатью, о грядущих острых осложнениях и т. д., но, – записывал А. Яхонтов, – никаких мер не намечено. Опять *охватывает чувство бессилия перед надвигающейся грозой*»²¹².

Состояние страны наглядно передавал в своих докладах на Совете министров министр Внутренних дел Н. Щербатов. В августе 1915 г. он сообщал о беспорядках, которые «возникли в Иваново-Вознесенске, где пришлось стрелять, и момент был до крайности напряженный, так как не было уверенности в гарнизоне. Результат стрельбы – 16 убитых и более 30 раненых... Как Вы хотите, чтобы я боролся с растущим революционным движением, – восклицал министр, – когда мне отказывают в содействии войск, ссылаясь на их ненадежность и на неуверенность в возможности заставить стрелять в толпу. С одними городскими не умиротворить всю Россию, особенно когда ряды полиции редеют не по дням, а по часам,

²⁰⁶ Вл. кн. Николай Михайлович – Николаю II 1 ноября 1916 г. (Николай II и великие князья..., с. 145–147. (Барк П. Л. ..., т.2, с. 262–263))

²⁰⁷ Деникин А. И.... т. 1, с. 38–39.

²⁰⁸ Мосолов А. А...., Гл. Мнимый великокняжеский заговор.

²⁰⁹ Раупах Р. Р...., с. 164.

²¹⁰ Заседание 11 Августа 1915 г. (Яхонтов А. Н...., с. 64).

²¹¹ Заседание 26 Августа 1915 г. (Яхонтов А. Н...., с. 107).

²¹² Заседание 18 Августа 1915 г. (Яхонтов А. Н...., с. 77).

и население ежедневно возбуждается думскими речами, газетным враньем, безостановочными поражениями на фронте и слухами о беспорядках в тылу»²¹³.

В сентябрьском сообщении Н. Щербатов подчеркивал, что «и губернатор, и градоначальник, и директор департамента полиции сходятся на оценке положения в Москве, как очень серьезного. Там все бурлит, волнуется, раздражено, настроено ярко антиправительственно, ждет спасения только в радикальных переменах. Собрался весь цвет оппозиционной интеллигенции и требует власти для доведения войны до победы. Рабочие и вообще все население охвачены каким-то безумием и представляют собою готовый горячий материал. Взрыв беспорядков возможен каждую минуту. Но у власти в Москве нет почти никаких сил... Как же быть?»²¹⁴

Кризис власти привел к расколу правительства на две непримиримые противоборствующие группы: первую представлял министр внутренних дел А. Хвостов, по мнению которого: «Наиболее громко кричащие прикрываются красивым плащом патриотизма для достижения своих партийных стремлений... Призывы, исходящие от Гучкова, левых партий Государственной Думы, от коноваловского съезда и от руководимых участниками этого съезда общественных организаций, явно рассчитаны на государственный переворот. В условиях войны такой переворот неизбежно повлечет за собою полное расстройство государственного управления и гибель отечества»²¹⁵.

Настроения второй группы отражал министр иностранных дел С. Сазонов, который в ответ заявлял: «Вы откровенно говорите, что не верите не только всему русскому обществу, но и волею Монарха призванной Государственной Думе. А Государственная Дума отвечает, что она со своей стороны не верит нам. Как в таких условиях может действовать государственный механизм. Такое положение невыносимо. Мы считаем, что выход из него в примирении, в создании такого кабинета, в котором не было бы лиц, заведомо не доверяющих законодательным учреждениям, и состав которого был бы способен бороться с пагубными для России течениями не только снизу, но и свыше»²¹⁶.

Сазонов открыто призвал к сплочению с «наиболее деятельными нереволуционными силами страны»²¹⁷. «Сазонов больше всех кричит, волнует всех...», – сообщала в сентябре 1915 г. Николаю II Александра Федоровна, – он не ходит на заседание Совета министров – это ведь неслыханная вещь! Я это называю забастовкой министров»²¹⁸. Сазонова поддерживал «фактический премьер»²¹⁹ А. Кривошеин, который заявлял официальному премьеру И. Горемыкину, что «...весь правительственный механизм в ваших руках (теперь) оппозиционен»²²⁰.

«Кривошеин орудует всем и собирает такой кабинет министров, – сообщал Николаю II вл. кн. Андрей Владимирович, – который был бы послушным орудием у него в руках. Направление, взятое им, определяется народом как желание умалить власть государя»²²¹. Говоря о военном министре, В. Сухомлинов указывал: «А. Гучков и А. Поливанов работают дружно, признавая существующий строй и порядок не соответствующими требованиям времени...»²²².

²¹³ Заседание 11 Августа 1915 г. (Яхонтов А. Н...., с. 64).

²¹⁴ Заседание 2 Сентября 1915 г. (Яхонтов А. Н...., с. 133–134).

²¹⁵ Заседание 21 Августа 1915 г. (Яхонтов А. Н...., с. 96–97).

²¹⁶ Заседание 21 Августа 1915 г. (Яхонтов А. Н...., с. 97).

²¹⁷ Заседание 26 Августа 1915 г. (Яхонтов А. Н...., с. 107).

²¹⁸ Николай II в секретной переписке, с. 212. (Мультатули П. В...)

²¹⁹ См. подробнее: комментарии С. В. Куликова (Покровский Н. Н...., с. 320–321, 337).

²²⁰ Барк П. Л...., т. 2, с. 82.

²²¹ Цит. по: Кобылий В...., с. 143.

²²² Сухомлинов В. А...., с. 343–344.

Некоторые из современников и исследователей событий усмотрели в этом «бунте министров» страх «за провал заговора (в пользу вл. кн. Николая Николаевича), в котором... они играли видную роль»²²³. Подробное обоснование этой версии приводит П. Мультатули, который утверждает, что царем, «когда он принял верховное командование» в конце августа 1915 г. была предотвращена попытка «тихого» переворота. В пользу этой версии, по словам Мультатули, говорил и тот факт, что встав во главе армии, Николай II одновременно сменил и все командование Ставки во главе с Начальником штаба Верховного Главнокомандующего²²⁴.

На наличие заговора связанного с Николаем Николаевичем косвенно указывало и возникновение в начале сентября 1915 г., сразу после снятия его с поста Верховного главнокомандующего, сверхзаконспирированного «Комитета народного спасения», организаторы которого приходили к выводу, что для победы на внутреннем фронте необходимо оставить всякую мысль о «блоках и объединениях с элементами зыбкими и сомнительными». Во главе Комитета встали будущие руководители Временного правительства: Г. Львов, А. Гучков и А. Керенский²²⁵.

В тему очевидно был посвящен, как следует из его беседы с лидером кадетов, и английский посол: «монархическое правление является единственно возможным способом удержания этой огромной империи, – писал Бьюкенен, – Эта страна не готова для республиканской формы правления, и у меня есть большие сомнения, будет ли республика приемлема для большинства нации. Причина, по которой я в беседе с Милюковым выступил за сохранение за великим князем Николаем поста главнокомандующего, заключается в том, что если он добьется доверия к себе армии и сможет удержать ее в руках, то возникнет реальный шанс для великого князя стать, в конечном счете, императором»²²⁶.

Однако, по мнению последнего дворцового коменданта В. Воейкова, разговоры об этом заговоре были только мифом: «Я вполне разделял мнение И. Горемыкина, считавшего, что агитация вокруг имени великого князя Николая Николаевича являлась для левых партий одним из средств дискредитирования государя... Его величество... считает нежелательным откладывать свое вступление в командование, с одной стороны, из-за неудачных действий и распоряжений великого князя на фронте, а с другой – из-за участвовавших случаев его вмешательства в дела внутреннего управления»²²⁷.

Свидетельства вмешательства Николая Николаевича в дела управления оставили многие близкие к императорским кругам современники событий²²⁸.

²²³ Русская Летопись, 1928, кн. 7.

²²⁴ Мультатули П. В. Император Николай II во главе действующей армии и заговор генералов – СПб «САТИСЪ», 2000 г.

²²⁵ Яковлев Н. Н...., с. 11–12.

²²⁶ Buchanan G. My Mission to Russia and Other Diplomatic Memories, Boston, 1923, vol. II, p. 103 (Цит. по: Уткин А. И... с. 305)

²²⁷ Воейков В. Н...., с. 111.

²²⁸ Вл. кн. Николай Михайлович: «Относительно популярности Николаши» (*Николая Николаевича*) – это явление «меня тревожит, особенно при том возбужденном состоянии нашего общественного мнения, которое все яснее обрисовывается в провинции...» (Вл. кн. Николай Михайлович – Николаю II, 28.04.1916. (Воейков В. Н...., с. 389, прил.)) А. Вырубова: «Государь рассказывал, что великий князь Николай Николаевич постоянно без ведома государя вызывал министров в Ставку, давая те или иные приказания, что создавало двоевластие в России» (Фрейлина Ее Величества. «Дневник и воспоминания Анны Вырубовой. – М.: Советский писатель, 1991, с. 157).

Но причина этого вмешательства, по мнению адм. А. Бубнова, крылась не в заговоре, а в слабости верховной власти: «когда стало очевидным, что верховное управление страной неспособно справиться со своей задачей и его деятельность может привести к поражению, великий князь... отказался от чрезмерной осторожности и начал выступать с решительными требованиями различных мероприятий...»²²⁹.

Под давлением поражений 1915 г. и роста оппозиционных настроений в правительстве Николай II был вынужден пойти на уступки оппозиции, однако, как отмечал В. Брянский, эти «уступки были сделаны весьма неудачно. Во-первых, изменение состава Министерства не сделало деятельность Правительства более плодотворной и энергичной. Новые Министры яростно вмешались в придворные Интриги, но никаких новых способов к упорядочению внутренней жизни России и снабжения Армии не изобрели. Во-вторых, и сами новые Министры не соответствовали переживаемому времени...»²³⁰.

Тем временем, как вспоминал М. Родзянко, положение в стране все более ухудшалось: «спекуляция, взятки, бешеное обогащение ловких людей. Одновременно возрастала дороговизна в городах..., а на заводах, работавших на оборону, начались забастовки, сопровождавшиеся арестами рабочих..., аресты вызывали новые волнения»²³¹. В начале декабря 1915 г. председатель земского союза кн. Львов указывал, что «настроения в Москве становятся совершенно революционными: самые благонамеренные люди говорят о развале власти...»²³².

В 19 декабря 1915 г. М. Родзянко предупреждал И. Горемыкина, что заводы работающие на оборону «должны при сложившихся условиях остановиться..., о надвигающемся голоде населения в Петрограде и Москве и возможных в связи с этим беспорядках..., отечество наше верными шагами идет к пропасти..., приближается роковая развязка войны, а в тылу нашей доблестной и многострадальной армии растет расстройство всех проявлений народной жизни и удовлетворения первейших потребностей страны. Бездеятельностью власти угнетается победный дух народа и вера его в свои силы. Мы члены Государственной Думы не можем, имея лишь *совещательный голос*, принять на себя ответственность за неизбежную катастрофу...»²³³.

Наиболее наглядным свидетельством все углубляющегося Кризиса власти стала непрекращающаяся смена членов правительства, – «министерская чехарда», – как назвал ее, выступая в Думе 12 февраля 1916 г., В. Пуришкевич: только за 1915–1916 гг. произошла смена 4-х премьер-министров; 6-ти министров внутренних дел; 4-х – военных, юстиции и земледелия; 3-х – иностранных дел и обер-прокуроров Синода²³⁴. За 1916 г., за исключением министра финансов (прошение об отставке которого не было удовлетворено), не было ни одного несменного министра. Всего с июля 1914 по февраль 1917 г., т. е. за 31 месяц, министрами перебывали 39 человек²³⁵.

²²⁹ Бубнов А. Д. В. Царской Ставке. – Нью-Йорк: Издательство имени Чехова, 1955. с. 12.

²³⁰ Брянский В. В., с. 149.

²³¹ Родзянко М. В., с. 146.

²³² Родзянко М. В., с. 147.

²³³ Родзянко М. В., с. 148, 269.

²³⁴ Протокольные записи тайных заседаний Совета министров с 16 июля по 2 сентября 1915 г. // Архив русской революции. Т. 18, с. 59, 63, 74 (Чернов В... с. 65).

²³⁵ О «министерской чехарде» см.: Куликов С. В. «Министерская чехарда» в России... С. 42–57; Он же. Камарилья

При этом, по мнению последнего министра иностранных дел империи Н. Покровского, состав правительства с каждой сменой министров лишь все более ухудшался и в результате «к осени 1916 года состав Совета министров оказался во много раз слабее, чем в начале этого года», «как бы нарочно никогда Россия не имела такого слабого и бездарного правительства, как именно во время войны»²³⁶. Одна из основных причин этого явления, по мнению начальника петроградского охранного отделения К. Глобачева, заключалась в том, что «вся забота, вся энергия каждого вновь назначенного министра казалось, сосредоточивались главным образом на укреплении и сохранении своего личного положения, что действительно составляло нелегкую задачу, ввиду всевозможных влияний и интриг...»²³⁷.

* * * * *

Кризис власти, который стал очевиден в 1915–1916 гг., по мнению М. Родзянко, был не случайным, а закономерным явлением, и стал следствием последовательных ошибок «в управлении Государством, в целом ряде десятилетий»²³⁸. Основная причина этих ошибок, «основная язва нашего старого бюрократического строя», по словам последнего Госсекретаря империи С. Крыжановского, крылась в «засилии на вершинах власти старцев... Усталые и телесно и душевно, люди эти жили далеким прошлым, неспособны были ни к творчеству, ни к порыву, и едва ли не ко всему были равнодушны, кроме забот о сохранении своего положения и покоя»; «административный и полицейский фундамент империи остался в архаическом состоянии, совершенно не приспособленным к новым требованиям, выдвинутым жизнью, и государству пришлось тяжело поплатиться за это, когда настали трудные времена»²³⁹.

Истоки этого явления, по мнению такого ярого монархиста как Л. Тихомиров, крылись в том, что «господство бюрократической системы, охватившей Россию после 1861 г..., понизило уровень способностей самой бюрократии, так что стало уже невозможным находить способных и деловых работников администрации»²⁴⁰. Власть ослабела во всех отношениях, подтверждал монархист М. Меньшиков в 1908 г.: «Правительство в лице чиновников как будто утратило способность подавать народу импульсы. Вместо того чтобы быть центральной вихревой системой, которая захватывала бы все более обширные слои и увлекала бы народную энергию в ураган труда, – наша бюрократия представляет еле движущуюся, бестолково останавливающуюся систему, потуги которой только хаотизируют народ»²⁴¹.

Известный издатель А. Суворин, в свою очередь, находил причины Кризиса власти в том, что: «у нас нет правящих классов. Придворные – даже не аристократия, а что-то мелкое, какой-то сброд»; «Ничего не будет хорошего, когда нет госуд(арственных) людей. Страна не может управляться сама собой»²⁴². Видный монархист В. Шульгин вообще приходил к выводу о вырождении правящего сословия: «Конечно, В.Н. не был виноват. Как не был виноват весь класс, до сих пор поставлявший властителей, что он их больше не поставляет... Был класс, да съездился...»²⁴³.

и «министерская чехарда». (См. подробнее: С. В. Куликов комментарии к: Покровский Н. Н...., с. 329.) См. так же: Флоринский М. Ф. Кризис государственного управления в России в годы Первой мировой войны. (Совет министров в 1914–1917 гг.). Л., 1988. С. 103–153.

²³⁶ См. подробнее: Покровский Н. Н...., с. 166, 212.

²³⁷ Глобачев К. И...., Часть I, Гл. VI Министры внутренних дел последних двух лет монархии.

²³⁸ Родзянко М. В...., с. 331.

²³⁹ Крыжановский С. Е...., с. 71, 128.

²⁴⁰ Тихомиров Л. А. Монархическая государственность. 1905. Гл. IX Династическая политика.

²⁴¹ Меньшиков М. О. Из писем к близким...., Завещание отца Иоанна. 25 декабря 1908 г.

²⁴² Суворин А. С...., 14 февраля 1893 г., 30 мая 1907 г.

²⁴³ Шульгин В. В. Дни... с. 112.

Истоки этого вырождения, М. Меншиков в 1914 г. связывал с тем, что «гибельный пред-
рассудок, будто труд подл, а праздность благородна, остановил прогресс нашего труда народ-
ного на целое пятидесятилетие, если не больше... Дворянская праздность лишила Россию в
прошлом столетии образованного сословия. Народ наш, потерявший культурное руководство,
естественно, не мог ни догнать народы Запада, ни идти с ними нога в ногу»²⁴⁴.

«Дворянство, начавшее утрачивать значение с освобождением крестьян, когда оно лиши-
лось не только имуществ, но и влияния, к концу царствования императора Александра III из
положения элемента, поддерживавшего престол, перешло уже на положение государственно
призываемого, – отмечал С. Крыжановский, – Оно требовало для поддержания внешности и
видимости непрерывных вспомоществований в той или иной форме из средств государствен-
ного казначейства и становилось тунеядцем»²⁴⁵. В настоящее время, «большинство дворянства,
в смысле государственном, – подтверждал С. Витте, – представляет собой кучку дегенератов,
которые кроме своих личных интересов и удовлетворения своих похотей ничего не признают,
а потому и направляют все свои усилия относительно получения тех или других милостей
за счет народных денег, взыскиваемых с обедневшего русского народа для государственного
блага...»²⁴⁶.

Дворянство, приходил к выводу Н. Бердяев, было «неспособно уже к национальному слу-
жению, а способно лишь к реакционным интригам. Традиционная национальная фразеология
дворянства – ветхие, пустые слова, риторика, которой уже никто не верит. Живых слов нельзя
уже услышать от некогда первенствовавшего и передового сословия... Интересы современ-
ного отживающего дворянства не отождествляются с интересами России. *Общенациональ-
ная, общенародная роль дворянства кончилась...*»²⁴⁷. «Дворянство выродилось, – подтвер-
ждал, сам принадлежавший к древнему дворянскому роду²⁴⁸, И. Ильин, – Это не в упрек, все
вырождается, все кончается, но упрек в том, что преемственности не создали, и за дворянством
никого не оказалось, а среднего класса, этого фундамента всякого народного существования,
вернее государственного, в России вообще не было или был очень незначительный, ибо не
успел еще народиться. Вот в критическую минуту и полетело все к черту»²⁴⁹.

В этом вырождении высшего сословия М. Меншиков находил
прямую аналогию с Францией, в которой «Великая революция родилась
не из головы Руссо, а из инстинктов расы, почувствовавшей, что важный
и необходимый орган народный – культурное сословие – атрофировался
от праздности... Обленившиеся классы теперь ничего не могут возразить
апостолам социализма, ибо праздное бездельничество есть грех со всякой
точки зрения, и языческой, и христианской»²⁵⁰.

К подобным выводам, в своей книге о России, приходил в 1916 г.
и британский историк Ч. Саролеа: «Все революционные всплески, как
и стихийные катастрофы, имеют некоторые общие черты, потому что
человеческая природа в таких чрезвычайных ситуациях остается неизменной
во все времена и во всех странах. Везде, будь то в Афинах, Риме или
Лондоне, мы находим в действии одни и те же силы, одни и те же мотивы,
замаскированные под различные принципы... Повсюду мы видим одну и

²⁴⁴ Меншиков М. О. Как работать. 17 июля 1914 г. // Письма к ближним. СПб. 295–296

²⁴⁵ Крыжановский С. Е... с. 126.

²⁴⁶ Витте С. Ю..., т. 1, с. 719.

²⁴⁷ Роль третьего сословия. 1915 г. // Бердяев Н. А. Падение священного русского царства..., с. 350–358.

²⁴⁸ См. предисловие В. Жюбер к книге Ильин И. С..., с. 7–8.

²⁴⁹ Ильин И. С..., с. 273. (21 июня 1918 г.)

²⁵⁰ Меншиков М. О. Как работать. 17 июля 1914 г. // Письма к ближним. СПб. 295–296

ту же закономерность, разворачивающуюся одинаково: сначала изнеженный и коррумпированный деспотизм, а затем Анархия и Террор...»²⁵¹.

Последним шансом Николая II являлось назначение «сильного» премьера, который смог бы не только отстоять интересы самодержавия, но и повести министров за собой. Однако все попытки найти такого премьера закончились полным провалом:

– в конце января 1916 г. И. Горемыкина, сменил видный представитель правых административных кругов Б. Штюмер. Отношение к нему Думы отражали слова В. Шульгина: «Этот «дед» не только не принес порядка России, а унес последний престиж власти... Штюмер – жалкий, ничтожный человек...»²⁵². Мнение правительства передавал министр иностранных дел Н. Покровский: «С виду совсем старый, еле говоривший, он производил впечатление ходячего склероза. Чем объяснялось поэтому назначение одной развалины вместо другой – мне было, да и до сих пор осталось, совершенно непонятным»²⁵³.

Американский посол Фрэнсис смотрел на назначение Б. Штюмера, как на «победу реакции»²⁵⁴; британского посла Бьюкенена больше всего беспокоило, что «как реакционер... Штюмер никогда не смотрел благожелательно на идею союза с демократическими правительствами Запада, боясь, что будет создан канал, по которому либеральные идеи проникнут в Россию»²⁵⁵; французский посол Палеолог сообщал в Париж: «Штюмеру 67 лет. Человек он ниже среднего уровня. Ума небольшого, мелочен, души низкой, честности подозрительной, никакого государственного опыта и никакого делового размаха...»²⁵⁶.

«Вся Россия исстрадалась от того сумбура, какой идет сейчас у нас в тылу..., – писал в августе начальник ГАУ ген. А. Маниковский, – Ведь только видимость правительства заседает у нас в Мариинском дворце и всем ясно, что как там ни называйте и какими полномочиями ни снабжайте г-н Штюмера – все же из него так и не получить того «диктатора» в котором так нуждается Россия и без которого ей угрожает опасность прямо смертельная. И неужели там у вас, в Ставке, этого не понимают?»²⁵⁷

Настроения в оппозиционных кругах того времени передавали воспоминания В. Шульгина: «Интеллигенция кричит устами Думы: вы нас губите... Вы проигрываете войну... Ваши министры – или бездарности, или изменники... Страна вам не верит... Армия вам не верит... пустите нас... Мы попробуем... Допустим, что все это неправда, за исключением одного: немцы нас бьют – этого ведь нельзя отрицать... А если так, то этого совершенно достаточно, чтобы дать России вразумительный ответ... Нельзя же, в самом деле, требовать от страны бесконечных жертв и в то же время ни на грош с ней не считаться... Можно не считаться, когда побеждаешь: победителей

²⁵¹ Sarolea C... p. 187.

²⁵² В. Шульгин: «Этот «дед» не только не принес порядка России, а унес последний престиж власти... Штюмер – жалкий, ничтожный человек, а Россия вела мировую войну. Дело в том, что все державы мобилизовали свои лучшие силы, а у нас – «святочный дед» премьером. Вот где ужас. Вот отчего страна в бешенстве. И кому охота, кому это нужно было доводить людей до иступления?! Что это, нарочно, что ли, делалось?!»

²⁵³ Покровский Н. Н..., с. 131.

²⁵⁴ Американский посол в России Фрэнсис характеризовал председателя Совета министров следующим образом: «Кажется, этот человек не питает уважения ни к одному выдающемуся русскому из тех, с кем я встречался. Решительно, его назначение – победа реакции». И добавлял, что Б. Штюмер – реакционер, оппортунист без всяких убеждений и интеллекта. Удаление Штюмера произвело бы умиротворяющий эффект, восстановило бы доверие... Фрэнсис предупреждал: «Если император будет настаивать на сохранении Штюмера и на время прервет работу Думы или распустит ее, может последовать революция» (Дэвис Д. Э., Трани Ю. П... с. 62, 64.)

²⁵⁵ Buchanan G. My Mission to Russia and Other Diplomatic Memories, Boston, 1923, vol. II, p. 19 (Уткин А. И... с. 217)

²⁵⁶ Палеолог М..., 5 февраля 1916 г., с. 437–438.

²⁵⁷ Начальник ГАУ ген. А. Маниковский – начальнику Упарта ген. Е. Барсукову 26 августа 1916 г. (Маниковский А. А. ..., с. 670–671).

не судят... Но побеждаемых судят, и судят не только строго, а в высшей степени несправедливо... За поражения надо платить. Чем?... Той валютой, которая принимается в уплату: надо расплачиваться уступкой власти... хотя бы кажущейся, хотя бы временной...

Можно поступить разное:

1. Позвать Прогрессивный блок, т. е., другими словами, кадетов, и предоставить им составить кабинет: пробуйте, управляйте. Что из этого вышло бы – бог его знает. Разумеется, кадеты чуда бы не сделали, но, вероятно, они все же выиграли бы время. Пока разобрались бы в том, что кадеты не чудотворцы, прошло бы несколько месяцев, – а там весна и наступление, которое все равно решит дело: при удаче выплывем, при неудаче все равно потонем.

2. Если же не уступать власти, то надо найти Столыпина-второго... Надо найти человека, который блеснул бы перед страной умом и волей... Надо сказать второе «не запугаете», эффектно разогнать Думу и править самим – не на словах, а на самом деле – самодержавно...

3. Если кадетов не призывать, Столыпина-второго не находить, остается одно: кончать войну.

Вне этих трех комбинаций нет пути, т. е. разумного пути. Что же делают вместо этого? Кадетов не зовут, Думы не гонят, Столыпина не ищут. Мира не заключают, а делают – что?... Назначают «заместо Столыпина» – Штюрмера, о котором Петербург выражается так: абсолютно беспринципный человек и полное ничтожество...»²⁵⁸.

– в ноябре 1916 г. Николай II был вынужден сменить Б. Штюрмера на А. Трепова, который стремительно эволюционировал влево: «это, – характеризовал его председатель Государственной Думы М. Родзянко, – человек большой воли, большого ума, человек, способный на компромисс, во имя пользы. У нас уже были отношения налажены, и через него, может быть, мы получили бы ответственное министерство»²⁵⁹. Стремительное полевение Трепова привело к тому, что уже к середине декабря 1916 г. Николай II полностью разочаровался в нем: «Противно иметь дело с человеком, которого не любишь и которому не доверяешь»²⁶⁰.

– в конце декабря Николай II, по настоянию Александры Федоровны, назначил председателем Совета министров кн. Н. Голицына. Это был «человек уже далеко не молодой, в возрасте почти семидесяти лет..., обладал добрым, в высшей степени мягким характером и самым приятным обращением, но, – отмечал Н. Покровский, – твердости в нем не было решительно никакой и справиться с министрами он не был в состоянии, да едва ли и хотел»²⁶¹. «Мрак усиливался, – приветствовал назначение нового премьера член императорской фамилии вл. кн. Александр Михайлович, – Князь Голицын... просто олицетворял собой то, что по-французски называется «gamolli», а по-русски – старческое слабоумие. Он ничего не понимал, ничего не знал, и только Ники или Аликс могли бы объяснить, чем их прельстил этот придворный старец без всякого административного опыта»²⁶².

²⁵⁸ Шульгин В. В..., с. 125–126.

²⁵⁹ Допрос М. В. Родзянко // Падение царского режима. М.; Л., 1927. Т. 7. С. 136. (комментарии С. В. Куликова к: Покровский Н. Н..., с. 320.); см. так же: Куликов С. В. Неизвестный этап создания первой российской конституции: вокруг и внутри Совещания высших чинов Государственной канцелярии (декабрь 1905 г. – март 1906 г.) // Российская история XX – XX вв.: Государство и общество. События и люди. СПб., 2013. С. 117–138.

²⁶⁰ Николай II – Александре Федоровне. 14 декабря 1916 г. // Переписка Николая и Александры. С. 858 (комментарии С. В. Куликова Покровский Н. Н..., с. 365.)

²⁶¹ Покровский Н. Н..., с. 182.

²⁶² Великий князь Александр Михайлович. Воспоминания..., с. 265.

Основная причина Кризиса власти, кроется вовсе не в персоналиях, указывал в конце 1916 г. на Совещании лидеров прогрессивного блока лидер кадетов: «Какое угодно „твердое“ лицо, если пойдет в кабинет без программы и без общественной поддержки, ничего сделать не сможет. Положение слишком серьезно, чтобы справляться с ним путем личных перемен. Нужна не перемена лиц, а перемена системы. Родзянко: – В последних словах Пав. Ник. (Милюкова) заключается глубокая истина. Я совершенно согласен с тем, что нужна перемена режима, и могу вас уверить..., что то, что вы здесь выслушали, составляет общее мнение всех присутствующих членов Думы, без исключения, и ни в ком не вызовет возражений. Нет никого здесь, кто бы думал иначе»²⁶³.

Николай II попытался найти компромисс с Государственной Думой путем назначения в июне 1916 г. товарища председателя Государственной думы А. Протопопова, по рекомендации председателя ГосДумы М. Родзянко, министром внутренних дел²⁶⁴. «Государь и императрица, – пояснял министр финансов П. Барк, – думали, что назначение популярного депутата на ответственный министерский пост, в особенности в виду того, что этот депутат был рекомендован председателем Государственной думы, произведет отличное впечатление, как среди депутатов, так и в стране. Вместе с тем, государь рассчитывал, что с привлечением Протопопова в состав правительства установятся более близкие отношения между Думой и Советом министров»²⁶⁵.

Однако назначение А. Протопопова руководителем МВД не снизило, а наоборот обострило оппозиционность нижней палаты. М. Родзянко заговорил о необходимости увольнения А. Протопопова во время аудиенции уже 16 ноября 1916 г.²⁶⁶. Во время неофициального заседания кабинета, собранного на квартире А. Трепова 20 ноября 1916 г, министр юстиции А. Макаров, исходя из настроений Думы, сделал вывод, что «нужна уступка» – отставка А. Протопопова....»²⁶⁷. Либеральная оппозиция даже выдвинула и весьма настойчиво отстаивала версию о сумасшествии А. Протопопова²⁶⁸.

«О Протопопове я позволяю себе сказать открыто, – говорил в декабре 1916 г. Николаю II министр иностранных дел Н. Покровский, – дальнейшее его пребывание у власти грозит государственному спокойствию. Из создавшегося конфликта между ним и Думой могут быть только два исхода: его увольнение или роспуск Думы»²⁶⁹. Это мнение полностью разделял начальник петроградского охранного отделения К. Глобачев, который в своих докладах чуть ли не дословно повторял слова министра иностранных дел²⁷⁰.

«Вина» А. Протопопова заключалась в том, что, зная изнутри и хорошо понимая настроения, и реальные «силы» думской оппозиции, он считал,

²⁶³ Совещание членов прогрессивного блока с А. Д. Протопоповым, на квартире М. В. Родзянко. 19 октября 1916 года. (Блок А..., Приложение V).

²⁶⁴ Родзянко М. В. Крушение империи. С. 130. (Покровский Н. Н..., с. 349, комментарии С. В. Куликова.)

²⁶⁵ Барк П. Л. Воспоминания // Возрождение. 1966. № 179. С. 102. (С. В. Куликов комментарии к: Покровский Н. Н..., с. 349.)

²⁶⁶ Глинка Я. В. Одиннадцать лет в Государственной думе. 1906–1917. Дневник и воспоминания. М., 2001. С. 161, 162. (С. В. Куликов комментарии к: Покровский Н. Н..., с. 349.)

²⁶⁷ Шаховской В. Н..., с. 193. (С. В. Куликов комментарии к: Покровский Н. Н..., с. 364.)

²⁶⁸ Падение царского режима. Стенографические отчёты допросов и показаний, данных в 1917 г. в Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства / под ред. П. Е. Щеголева. – М.-Л.: ГИЗ, 1927. – Т. VII. – С. 152.; См. так же подробнее: С. В. Куликов комментарии к Покровский Н. Н..., с. 378–379.

²⁶⁹ Покровский Н. Н..., с. 181.

²⁷⁰ См. подробнее: Глобачев К. И..., Часть I, Гл. IX Причины назначения Протопопова.

что «одним ответственным министерством страна не удовлетворится..., последуют и другие требования и таким образом учреждение ответственного министерства кончится революцией»²⁷¹. В ноябре 1916 г. А. Протопопов предупреждал Николая II, что «политика уступок Государственной думе и общественности» «не приведет к умиротворению, а наоборот, послужит основанием к настойчивым домогательствам к изменению порядка государственного управления, что может вызвать большие потрясения в стране»²⁷².

Непрерывный и все более усиливавшийся Кризис власти привел к тому, что сформировать работоспособное правительство оказалось просто невозможно. Указывая на этот факт 25 декабря 1916 г., кн. Львов, от лица Председателей Губернских Земских Управ, в письме к М. Родзянко указывал, что «беспрестанная смена министров и высших должностных лиц государства в таких условиях, в которых она происходит в связи с постоянным изменением проводимой этими лицами политики, ведет к прямому параличу власти»²⁷³. «В целом ситуация создавала ощущение, – вспоминал вл. кн. Кирилл Владимирович, – будто балансируешь на краю пропасти или стоишь среди трясины. Страна напоминала тонущий корабль с мятежным экипажем. Государь отдавал приказы, а гражданские власти выполняли их несвоевременно или не давали им хода, а иногда и вовсе игнорировали их...»²⁷⁴.

5 января 1917 г. «Русские ведомости», внешне скорбно, но внутренне торжествуя, сообщали: «Бюрократия теряет то единственное, чем она гордилась и чем старалась найти искупление своим грехам, – внешний порядок и формальную работоспособность»²⁷⁵. «Я, – вспоминал П. Миллюков, – так же хорошо мог бы озаглавить этот предреволюционный год словами «паралич власти». «Власти нет», – вторил кн. Львов. «Правительства нет», – подтверждал А. Протопопов²⁷⁶.

«Русский ковчег не годился для плавания, – приходил к выводу британский премьер-министр Д. Ллойд Джордж, – Этот ковчег был построен из гниющего дерева, и экипаж был никуда не годен. Капитан ковчега способен был управлять увеселительной яхтой в тихую погоду, а штурмана изображала жена капитана, находившаяся в капитанской рубке...»²⁷⁷. Но даже в этих условиях, отмечал председатель Государственной Думы, «умеренные партии не только не желали революции, но просто боялись ее..., тем не менее, мы все понимали, что курс принятый правительством, с еще большей вероятностью приведет к краху Государство»²⁷⁸.

«Они – революционеры – не были готовы, но она – революция – была готова. Ибо революция только наполовину создается из революционного напора революционеров. Другая ее половина, а может быть, три четверти состоит в ощущении властью своего собственного бессилия. У нас, у многих, – вспоминал В. Шульгин, – это ощущение было вполне»²⁷⁹.

²⁷¹ Протокол допроса РЮ. Пиранга // ГАРФ. Ф. 1467 (ЧСК Временного правительства). Оп. 1. Д. 39. Л. 21 об. (С. В. Куликов комментарии к: Покровский Н. Н...., с. 350.)

²⁷² Показания С. П. Белецкого. С. 531; Показания А. Д. Протопопова. С. 17 (См. подробнее: С. В. Куликов комментарии к: Покровский Н. Н...., с. 364)

²⁷³ Родзянко М. В...., с. 287.

²⁷⁴ Великий князь Кирилл Владимирович. Моя жизнь на службе России. – СПб: Лики России, 1996, с. 234.

²⁷⁵ Русские ведомости, 5.01.1917 (Яковлев Н. Н...., с. 318)

²⁷⁶ Миллюков П. Н... с. 534–535, 551.

²⁷⁷ Ллойд Джордж Д. Военные мемуары. Т.3...., с. 372.

²⁷⁸ Родзянко М. В...., с. 285.

²⁷⁹ Шульгин В. В...., с. 165–166.

Внутренний враг

Все иллюзии исчезли, все разногласия отпали... Я выставил бы боевой лозунг и шел бы на прямой конфликт с властью.
А. Гучков, 25.10.1915²⁸⁰

«Мы стоим на повороте, от которого зависит все дальнейшее течение событий... – приходил к выводу в августе 1915 г. на Совете министров, министр торговли и промышленности В. Шаховской, – Нельзя не считаться с тем фактом, что поражения на фронте создали революционно-повышенное настроение в стране»²⁸¹.

И это революционное настроение, отмечал начальник петроградского охранного отделения К. Глобачев, создавалось вовсе не подпольными социалистическими организациями: «подпольное революционное движение, опирающееся на рабочие круги, не представляло особой опасности; оно всегда существовало и даже в более крупных размерах, а правительственные органы имели в своем распоряжении достаточно средств если не для полного уничтожения, то, во всяком случае, для систематической его парализаций. Но что было гораздо серьезнее и с чем нельзя было бороться обычными средствами, так это прогрессивное нарастание оппозиционного общественного настроения»²⁸².

Подтверждение тому давал уже майский 1915 г. съезд промышленников – «со всех сторон мне, – вспоминал М. Родзянко, – передавали, что участники съезда крайне возбуждены, и что на съезде готовится революционное выступление»²⁸³. «Разговоры кончены, должны начаться действия, – указывал в октябре на Совещании Прогрессивного блока член ЦК кадетской партии А. Шингарев, – Но на них или неспособны, или они не назрели..., надо делать революцию или дворцовый переворот, а они, невозможны или делаются другими»²⁸⁴.

В этих условиях на первый план выдвинулась мобилизация либеральных общественных сил, которая стала осуществляться на базе легальных общественных и государственных организаций:

Земгор

Общественные стали возникать с первых дней войны, в августе 1914 г., когда земские и городские партии приступили к возрождению массовых организаций – «Союзов», времен японской войны: по аналогии с «Союзом земств» – был учрежден «Всероссийский земский союз помощи больным и раненым воинам» (Земсоюз) под предводительством кн. Г. Львова. После поражений 1915 г. этот союз слился с «Союзом городов» (Согор) П. Милюкова, образовав «Земгор».

Объективная необходимость появления этих организация диктовалось тем, что ситуация с ранеными в 1914 г. действительно была критической. Об этой проблеме начальник штаба Ставки Н. Янушкевич неоднократно докладывал военному министру В. Сухомлинову: «Масса жалоб на эвакуацию раненых... Люди по 3–5 дней бывают не перевязаны, раненых не кормят по

²⁸⁰ Выступление А. Гучкова на совещании руководителей Прогрессивного блока 25 октября 1915 г. // Красный архив. 1932, т.3 (52), с. 148.

²⁸¹ Заседание 19 Августа 1915 г. (Яхонтов А. Н...., с. 85).

²⁸² Глобачев К. И...., Часть I, Гл. VI Министры внутренних дел последних двух лет монархии.

²⁸³ Родзянко М. В...., с. 123.

²⁸⁴ Совещание руководителей Прогрессивного блока 25 октября 1915 г. // Красный архив. 1932, т. 3 (52), с. 146.

48 ч. и т. д. Все это создает нехорошую атмосферу..., кажется и тут без Петровской дубинки не обойтись»²⁸⁵;

«Доходит ропот, что тяжелораненые... перевозятся за собственный, а не казенный счет»²⁸⁶; «По всей армии в один голос клянут порядки госпиталей и эвакуационных пунктов по сравнению с Красным Крестом и частными организациями. Не столько жалуются на плохое (бедное) оборудование, как на явную инертность, неумелость врачей, а местами преступную небрежность...». Может разгореться костер, «который потушить мне не под силу»²⁸⁷.

В этих условиях органы самоуправления дворянства, земств и городов, признавал военный министр В. Сухомлинов, оказались «значительно деятельнее бюрократии» (Таб. 2), «но все их добрые начинания привели к совершенно обратным результатам благодаря политическим тенденциям, внесенным в работу по оказанию помощи действующей армии антимонархическими партиями или такими честолюбивыми карьеристами, как Гучков и Родзянко»²⁸⁸.

Таб. 2. Количество коек в санитарных учреждениях на 1.01.1916 и распределение средств отпущенных правительством для «призрения раненых и больных воинов»²⁸⁹

	Земсоюз	Воен. мин.	Согор	Кр. Крест
Тыс. коек	173*	160	70	48
Млн. руб.	434,6	н/д	170,6	162,5

* Помимо этого Земсоюзом было оборудовано более 50 санитарных поездов.

Все общественные организации находились практически на полном государственном финансировании. Например, Земгор получил от государства около 605 млн. руб., на вложенный, собранный по подписке частный капитал – 0,6 млн. рублей. (по другим данным 12 млн.²⁹⁰) Всего Земсоюз и Согор получили 65 % всех средств выделенных правительством общественным организациям, для «призрения раненых и больных воинов» (922,8 млн. руб.)²⁹¹

Политические тенденции Земгора впервые проявились с началом «Великого отступления» и стали частью его программы в сентябре 1915 г., когда А. Гучков на съезде Земгора провозгласил, что: настоящая организации «нужна не только для борьбы с врагом внешним, но еще больше с врагом внутренним, той анархией, которая вызвана деятельностью настоящего правительства»²⁹². Организации Земгора и ЦВПК, подтверждал начальник петроградского охранного отделения К. Глобачев, «руководились кадетской партией и обе работали как на фронте, так и в тылу, в пользу свержения монархии»²⁹³.

²⁸⁵ Н. Янушкевич – В. Сухомлинову – 21 августа 1914 г. //Красный Архив. 1922. № 1 (1), с. 227.

²⁸⁶ Н. Янушкевич – В. Сухомлинову 9.IX.1914 //Красный Архив. 1922. № 1 (1), с. 248.

²⁸⁷ Н. Янушкевич – В. Сухомлинову 15.IX.1914 //Красный Архив. 1922. № 1 (1), с. 251.

²⁸⁸ Сухомлинов В. А...., с. 318.

²⁸⁹ ЦГАОР СССР Ф. 6. Оп. 1. Д. 234. Л. 6. (Лаверычев В. Я...., с. 124).

²⁹⁰ Яковлев Н. Н...., с. 173–174.

²⁹¹ ЦГАОР СССР Ф. 6. Оп. 1. Д. 234. Л. 6. (Лаверычев В. Я...., с. 124).

²⁹² Донесение начальника московского охранного отделения директору департамента полиции о городском съезде 7 сентября 1915 г. (Буржуазия накануне Февральской революции..., с. 50; См. так же: Красный архив. 1928. Т. 1 (28). С. 211–212.)

²⁹³ Глобачев К. И...., Часть I, Гл. VI Министры внутренних дел последних двух лет монархии.

Эта борьба в основном сводилась к критике правительства и стоящих за ним «темных сил», в расчете на то, что под давлением критики власть пойдет на сотрудничество с оппозицией и сама уступит свои права. Прибегать к более решительным мерам общественные организации остерегались. Этот факт наглядно проявился в конце 1915 г., когда тревогу вызвало предложение снова собрать съезды земского и городского союзов. Поддерживавший эту идею кадетский депутат Щепкин надеялся, что на съездах удастся «найти слова, чтобы это не был призыв к революции»²⁹⁴.

Но созывать съезды союзов только для того, чтобы подтвердить старые, не дававшие результатов, лозунги и еще раз подчеркнуть приверженность к исключительно легальным средствам давления на правительство, отмечает историк С. Дякин, было уже опасно: «раз объявим, что мы против революции, – указывал один из лидеров кадетской партии и земского движения М. Челноков, – все будут знать, что дальше слов не пойдем». Но и он не мог предложить ничего другого, кроме как «вооружиться терпением и ждать»²⁹⁵.

В то же время деятельность общественных организаций по санитарному и бытовому обслуживанию армии быстро набирала популярность. Уже к середине 1915 г. кн. Г. Львов, возглавлявший Земский Союз, по словам А. Кривошеина, «фактически чуть ли не председателем какого-то особого правительства делается, на фронте только о нем и говорят, он спаситель положения... Вся его работа вне контроля, хотя ему сыплют сотни миллионов казенных денег. Надо с этим или покончить, или отдать ему в руки всю власть»²⁹⁶.

Финансовый вопрос стал поводом для проведения 6 декабря 1915 г. объединительного совещания представителей общеземских и общегородских союзов, ВПК и представителей Госдумы. Тревогу участников совещания вызвали призывы «правых» к проверке общественных организаций на предмет «расходования и отчетности казенных и общественных сумм... для их раскассирования», и в конечном итоге упразднения²⁹⁷.

В ответ уже 8 декабря 1915 г. в статье «Русская буржуазия на переломе последнего десятилетия» газета промышленников «Утро России» провозгласила, что «либеральная русская буржуазия призвана сыграть руководящую роль в переживаемый нами исторический момент» и что «русская общественность» смотрит на буржуазию как на «законного преемника бюрократии в деле руководства русской государственностью»²⁹⁸.

Необходимость установления строгого контроля за оборотами общественных организаций по призрению больных и раненых воинов была утверждена правительством в июне 1916 г.²⁹⁹, а в сентябре в порядке ст. 87 было издано постановление о предоставлении министру внутренних дел особых полномочий командировать своих представителей во всякие, хотя бы и не публичные, собрания общественных организаций, их комитетов, и закрывать эти собрания в случае надобности³⁰⁰.

Но это было только началом, поскольку правительство все более убеждалось в революционном характере Земского и Городского союзов. В конце 1916 г. последний премьер Н. Голи-

²⁹⁴ Совещание руководителей Прогрессивного блока 25 октября 1915 г. // Красный архив. 1932, т. 3 (52), с. 145.

²⁹⁵ Совещание руководителей Прогрессивного блока 25 октября 1915 г. // Красный архив, 1932, т. 3 (52), с. 147.

²⁹⁶ Заседание 2 Сентября 1915 г. (Яхонтов А. Н...., с. 129).

²⁹⁷ Донесение начальника московского охранного отделения директору департамента полиции о 4-м объединительном совещании представителей общеземского и общегородского союзов и московского военно-промышленного комитета. Плк. Мартынов. 8/XII 1915. // Буржуазия накануне февральской революции..., с. 13, 15.

²⁹⁸ Утро России, 8 декабря 1915 г., № 337. (Цит. по: Дякин В. С...., с. 150)

²⁹⁹ Лаверычев В. Я...., с. 130.

³⁰⁰ Лаверычев В. Я...., с. 131.

цын сообщал, что «у союзов уже готов состав временного правительства, и отделы союзов соответствуют существующим министерствам»³⁰¹. «Земский и городской союзы, а также военно-промышленные комитеты, – подтверждал 1.01.1917 министр внутренних дел А. Протопопов, – суть организации революционные...»³⁰².

Неслучайно, председатель Земгора кн. Г. Львов ожидал дальнейшего ужесточения политики правительства в отношении общественных организаций. Своим беспокойством он 11.02.1917 поделился с главой британской делегации – лордом А. Милнером: «налицо все признаки того, что министр внутренних дел в своем стремлении уничтожить всякую организацию, содержащую малейший зародыш политического либерализма, попытается прекратить выдачу правительственной субсидии союзу. Этот шаг был бы в полном смысле слова фатальным для русской армии...»³⁰³.

ЦВПК

Торгово-промышленные круги пошли по пути создания своей организации. В мае 1915 г. на 9-м съезде представителей промышленности и торговли один из крупнейших промышленников П. Рябушинский выступил за мобилизацию промышленности, а в июне по его настоянию были созданы военно-промышленные комитеты (ВПК), которые охватили всю страну, было создано почти 300 областных и уездных ВПК³⁰⁴. Во главе Центрального ВПК встал А. Гучков. Целью создания ВПК являлась организация производства продукции по заказам военного министерства.

Политические цели торгово-промышленных кругов, председатель Московского ВПК П. Рябушинский озвучил 25 августа 1915 г.: «Путем давления на центральную власть добиться участия общественных сил в управлении страной... нам нечего бояться, нам пойдут навстречу в силу необходимости, ибо наши армии бегут перед неприятелем»³⁰⁵. «Военно-промышленные комитеты, – по словам редактора «Известий Особых совещаний...» Я. Букшпана, – сделались вскоре, так же как и Земский и Городской союзы, центром общественной борьбы с правительством. Борьба эта облегчалась тем, что комитеты располагали сетью местных организаций»³⁰⁶.

3 сентября 1915 г., в тот самый день, когда была разогнана сессия Думы, газета крупного капитала «Утро России» поместила редакционную статью «Политическая идеология либеральной русской буржуазии», а на следующий день статью «С кем идти?». В этой второй статье обосновывалось право буржуазии на руководящую роль в стране. «У истории, – говорилось в ней, – есть свое точное „расписание“, в котором деление по общественным эпохам предусмотрено законами общественной динамики... Определенным классам, из которых складывается современное общество, в этом „расписании“ точно предудказан свой исторический час... Если до настоящего времени руководящую роль в русской государственности играли помещичье-дворянские элементы, то это отнюдь не означало, что дворянская гегемония будет неизбежной спутницей русской жизни и на будущих ее путях... На аванпостах русской политической жизни руководящей колонной является в настоящий момент буржуазия. По „историческому расписанию“ наступил момент, когда государственным строительством должна руководить созревшая воля торгово-промышленного класса»³⁰⁷.

³⁰¹ Цит. по: Яковлев Н. Н...., с. 167.

³⁰² Великий князь Александр Михайлович – Николаю II, 1.01.1917. (Восейков В. Н...., с. 441–442, прил.)

³⁰³ Цит. по: Ллойд Джордж Д..., т. 3, с. 363.

³⁰⁴ Милов Л. В. 2006..., с. 186.

³⁰⁵ Цит. по: Шевырин В. М. Власть и общественные организации в России (1914–1917): Аналитический обзор/ РАН ИНИОН – М., 2003. – 152 с., с. 59.

³⁰⁶ Букшпан Я. М...., с. 302.

³⁰⁷ Утро России. 3 сентября 1915 г. (Цит. по Дякин В. С...., с. 146).

«Надо сказать, что благомыслящая часть общества имела полное основание волноваться за судьбу России, т. к. с каждым днем наша неподготовленность обнаруживалась все в более ясном и грозном виде. Такое положение, естественно, давало могущественнейшее оружие в руки левых (либеральных) партий, но я, – писал секретарь московского градоначальника В. Брянский, – никогда бы не решился осудить их за эти выступления, если бы ясно не чувствовал за их патриотическими фразами страстное желание их лидеров, воспользовавшись тяжелым положением Правительства подобраться к казенному пирогу. Прости меня, Господи, но я убежден, что во всех этих выступлениях любовь к России и патриотизм играли самую последнюю роль»³⁰⁸.

Подобные подозрения возникали и у В. Сухомлинова: «сформированные Военно-промышленные комитеты, в большом числе и повсеместно, получают много денег, но, – полагал военный министр, – едва ли для настоящей войны они окажут существенную пользу»³⁰⁹. «Прекрасной иллюстрацией деятельности военно-промышленных комитетов, – подтверждал эти сомнения В. Воейков, – может служить... ведомость состояния главнейших заказов центрального военно-промышленного комитета на 1 января 1916 года... Так, например, снарядов к бомбометам заказано 3 245 000, а сдано 96 135; мин заказано 663 400, а сдано 119 штук и т. д. А куда уходили деньги военно-промышленного комитета, осталось – и не для меня одного – тайной»³¹⁰. На 1 декабря 1917 г. ВПК исполнили заказов сумму 197,3 млн. руб. из 349,5 млн. руб. предоставленных им заказов³¹¹.

Общее собрание членов II съезда ВПК в феврале 1916 г. одобрило и приняло резолюцию, в которой Государственная дума призывалась «решительно стать на путь борьбы за власть и создать ответственное правительство, опирающееся на организованные силы народа»³¹². В ответ с апреля 1916 г. правительство стало ужесточать контроль над общественными организациями³¹³. Однако возможности этого контроля были ограничены тем, указывал командующий войсками московского военного округа, что «ослабление деловой работы таких (общественных) организаций, несущих и разделяющих известную ответственность с правительством, как бы перенести всю ответственность (за рост «нервного настроения общества, раздраженного все усиливающейся дороговизной») на правительство...»³¹⁴.

Наступление правительства привело к активизации деятельности промышленно-торговых организаций: необходимо, призывал на совещании промышленников в августе 1916 г. Рябушинский, «вступить на путь полного захвата в свои руки исполнительной и законодательной власти»³¹⁵.

³⁰⁸ Брянский В. В...., с. 120–121.

³⁰⁹ Сухомлинов В. А...., с. 343–344.

³¹⁰ Воейков В. Н...., с. 113–114.

³¹¹ Букшпан Я. М...., с. 303.

³¹² Букшпан Я. М...., с. 303.

³¹³ См. подробнее: Борьба правительства с буржуазными организациями. // Буржуазия накануне февральской революции...., с. 104–112.

³¹⁴ Письмо командующего войсками московского военного округа Мрозовского заместителю товарища министра внутренних дел А. В. Степанову. 28/V 1916 // Борьба правительства с буржуазными организациями. // Буржуазия накануне февральской революции...., с. 107.

³¹⁵ Цит. по: Яковлев Н. Н...., с. 167.

Наибольшую тревогу правительства вызывало начавшееся в мае-июне 1915 г. создание при ВПК «рабочих групп», которые, по словам одного из лидеров либеральных деловых кругов А. Коновалова, были вызваны к жизни «сознанием необходимости сплочения и единения всех разнообразных слоев и классов населения для целей национальной обороны»³¹⁶. «Рабочая секция» должна была заняться рассмотрением рабочего законодательства. Таким путем, по мнению начальника московского охранного отделения: организаторы «рабочих секций» думали, что «будет достигнуто приобретение симпатий рабочих масс и возможность тесного контакта с ними как боевого орудия в случае необходимости реального воздействия на правительство»³¹⁷.

Действительно, деятельность рабочих групп с самого начала приобрела не столько деловой, сколько революционный характер. «Рабочие не уклонялись никогда от политической работы, – отвечал на этот факт А. Коновалов, – поскольку страна выходит из инертного состояния, поскольку широкие массы населения чувствуют необходимость в общественной работе, поскольку страна поднимается, рабочая масса как многочисленный класс не может не считать необходимым заниматься политикой»³¹⁸.

«Военно-промышленный комитет, – приходил к выводу начальник петроградского охранного отделения К. Глобачев, – являлся, так сказать, той легальной возможностью, где можно было совершенно забронировано вести разрушительную работу для расшатывания государственных устоев, создать до известной степени один из революционных центров и обрабатывать через своих агентов общество и армию в нужном для себя политическом смысле»³¹⁹.

«ЦВПК, – констатировал К. Глобачев, – был организацией политической и служил исключительно целям подготовки революции, очень мало заботящимся об обороне страны, подтверждением тому служит то обстоятельство, что после Февральского переворота ЦВПК теряет всякое значение, как в смысле организации, работающей на, оборону, так и в политическом отношении»³²⁰.

Прогрессивный блок

Мобилизация оппозиционных сил в парламенте началась в августе 1915 г., когда по инициативе кадетов, влиятельными промышленниками А. Коноваловым и И. Ефимовым был создан антиправительственный Прогрессивный блок. Его фактическим руководителем стал лидер кадетской партии П. Милюков. В блок вошли 236 из 422 депутатов Государственной Думы. Программа блока выглядела относительно умеренной: из 9 предложенных мер – 8 касались прекращения преследования по национальным, политическим и религиозным вопросам, восстановления деятельности профсоюзов. И только 9-й – последний, требовал «соглашение правительства с законодательными учреждениями» «всех законопроектов имеющих ближайшее отношение к национальной обороне...» и проведения «программы законодательных работ, направленных к организации страны для содействия победе и к поддержанию внутреннего мира...»³²¹.

³¹⁶ Выступление А. Коновалова в Государственной Думе 02.03.1917. (Революция 1917 года: (хроника событий). – Т. 1. – М.; Пг.: 1923. С. 27–30).

³¹⁷ Великий князь Александр Михайлович – Николаю II, 1.01.1917. (Воейков В. Н...., с. 441–442, прил.)

³¹⁸ Выступление А. Коновалова в Государственной Думе 02.03.1917. (Революция 1917 года: (хроника событий). – Т. 1. – М.; Пг.: 1923. С. 27–30). <http://www.illuminats.ru/component/content/article/29-new/5197-2-1917-?directory=29>

³¹⁹ Глобачев К. И...., Часть I, Гл. II: Центральный военно-промышленный комитет.

³²⁰ Глобачев К. И...., Часть I, Гл. II: Центральный военно-промышленный комитет.

³²¹ Заседание 26 Августа 1915 г. (Яхонтов А. Н...., с. 109–110).

Действительная цель Прогрессивного блока, заключалась в требовании, озвученном Председателем Государственной Думы, обращенным непосредственно к Верховной власти: «Ваше величество... дайте ответственное министерство»³²². Именно с созданием блока, Государственная Дума, по словам К. Глобачева, «стала революционизировать страну..., там образовался определенно революционный центр», который дирижировал «настроениями в столице и вместе с сим во всей России»³²³.

Настроения этого центра наглядно выражал его лидер – П. Милюков, который еще в июле 1915 г. на партийной конференции кадетов заявлял: «Требование Государственной думы должно быть поддержано властным требованием народных масс, другими словами, в защиту их необходимо революционное выступление... Неужели об этом не думают те, кто с таким легкомыслием бросают лозунг о какой-то явочной Думе?» Они «играют с огнем... (достаточно) неосторожно брошенной спички, чтобы вспыхнул страшный пожар... Это не была бы революция, это был бы тот ужасный русский бунт, бессмысленный и беспощадный. Это была бы... вакханалия черни...»³²⁴.

И угрозы Милюкова были не простыми словами, оппозиционные деятели Государственной Думы так же, как и ВПК, искали поддержки в рабочей среде: «Всему есть предел..., – восклицал летом 1915 г. министр А. Кривошеин в ответ, – на посещение думцами Путиловского завода и на разговоры с рабочими. Даже конвент запрещал общение палаты с чернью»³²⁵.

Радикализм либералов наглядно демонстрировал тот факт, что когда по предложению М. Родзянко, для консолидации общества, мобилизации военной и гражданской власти, тыла и фронта 20 июня 1915 г. Николай II согласился организовать Особое совещание по обороне, в состав которого вошли члены Госдумы, Госсовета, крупнейшие промышленники, финансисты, государственные деятели, «кадеты, устами своего лидера П. Милюкова совершенно неожиданно восстали против моей затеи, – вспоминал М. Родзянко, – доказывая, что всякое общение и совместная работа с военным министерством Сухомлинова являлось бы позорным для Думы»³²⁶.

Против кадетов на этот раз выступил даже лидер трудовиков А. Керенский: «Кадеты всегда исходят из теоретических соображений и впадают в отвлеченность, отвергая всякое предложение, которое не совпадает с их теорией, хотя бы оно и было по существу полезным»³²⁷.

Правительство почувствовало нарастание внутренней угрозы в августе 1915 г. Протоколы секретных совещаний Совета министров, тех дней, звучали все тревожнее, в них указывалось «на внутреннее положение в стране, обостряющееся с каждым днем, и на проявляемое Государственной Думою стремление занять, в захватном порядке, неподобающую законодательному учреждению роль посредника между населением и правительственной властью»³²⁸.

«Одновременные наступления германских войск на внешнем и русских либералов на внутреннем фронтах посеяло, – подтверждал В. Брянский, – большую тревогу в рядах Правительства»³²⁹. Настроения правительства в этот период действительно начинали приобретать явно панический характер: «Мы неудержимо катимся по наклонной плоскости, – восклицал

³²² Родзянко М. В...., с. 171.

³²³ Глобачев К. И...., Часть I, Гл. II: Центральный военно-промышленный комитет.

³²⁴ Цит. по: Яковлев Н. Н...., с. 150.

³²⁵ Заседание 11 Августа 1915 г. (Яхонтов А. Н...., с. 63).

³²⁶ Родзянко М. В...., с. 123.

³²⁷ Родзянко М. В...., с. 123.

³²⁸ Заседание 11 Августа 1915 г. (Яхонтов А. Н...., с. 63).

³²⁹ Брянский В. В...., с. 123–124.

на совещании 11 августа «фактический премьер» А. Кривошеин, – не только к военной, но и к внутренней катастрофе»³³⁰.

«В Москве состоялось у Коновалова секретное совещание так называемых прогрессивных деятелей, т. е. попросту – кадетов и кадетствующих, для обсуждения современного положения в стране..., – сообщал Совету министров 18 августа министр внутренних дел Н. Щербатов, – собравшимися единогласно признано необходимым использовать благоприятно складывающуюся обстановку для предъявления требования об образовании правительства, пользующегося доверием страны и полнотою власти. Настроение самое боевое под патриотическим флагом...»³³¹. Предупредить грозящую катастрофу, по мнению верховной власти, мог только очередной роспуск Государственной Думы.

«Картина рисуется безотрадная, – замечал в ответ министр иностранных дел С. Сазонов, – С одной стороны рабочие беспорядки, принимающие, по-видимому, организованный характер, а с другой – дошедшее до предела настроение в Москве среди сосредоточившихся там общественных кругов... Везде все кипит, волнуется, доходит до отчаяния, и в такой грозной обстановке последует роспуск Государственной Думы...»³³². «В случае роспуска Думы беспорядки неизбежны. Настроение рабочих очень скверное... – предупреждал морской министр И. Григорович, – надо опасаться, что и требования, и способ действия изменятся, как только явится предлог для более решительных выступлений. Я очень опасаюсь, что прекращение занятий Думы тяжело отразится на внутреннем положении в России»³³³.

Дума была распущена 3 сентября, в ответ, тогда же – в сентябре 1915 г. был создан «Комитет народного спасения», главными деятелями которого стали Гучков, Керенский и князь Львов³³⁴. В Программе этой организации указывалось: «Необходимо: 1. Признать, что война ведется на два фронта... 2. Отделить определенно и открыто людей, понимающих и признающих наличность внутренней войны... 3. Признать, что достигнуть полной победы над внешним врагом немыслимо без предварительной полной победы над врагом внутренним... 4. Признать, что полная победа внутри означает публичное и окончательное связующее преклонение всех без исключения лиц в империи перед утверждением: «русский народ есть единственный державный хозяин земли русской»... 6. Признать, что организация борьбы за народные права должна вестись по установленным практикой правилам военной централизации и дисциплины... 7. Верховное командование организованным народом за свои права принять на себя А. И. Гучковым... 9. Кто за народ должен быть отделен и организован, дабы тверды и дисциплинированы были его кадры. Кто против народа, тот должен быть занесен в особый список... 11... Все отрицательные поступки лиц у власти должны быть открыто и всенародно «записаны на книжку», с предупреждением, что по окончании войны будет отдан приказ «к расчету стройся»... Должно быть твердо установлено, что врагам народа... амнистии не будет в течение 10 лет после заключения мира. 12... подчинить прессу верховному командованию и требовать ее согласованных действий, несогласных же заставить замолчать...»³³⁵.

³³⁰ Заседание 11 Августа 1915 г. (Яхонтов А. Н...., с. 63).

³³¹ Заседание 18 Августа 1915 г. (Яхонтов А. Н...., с. 77).

³³² Заседание 2 Сентября 1915 г. (Яхонтов А. Н...., с. 132).

³³³ Заседание 26 Августа 1915 г. (Яхонтов А. Н...., с. 105).

³³⁴ Барк П. Л...., т. 2, с. 137.

³³⁵ См. полный текст: Диспозиция № 1 от 8 сентября 1915 г. Комитета народного спасения// Красный архив. 1928. Т. 26.,

Однако, несмотря на появление подобных программ, ключевым вопросом для оппозиции оставался выбор методов достижения своих целей: «возможен был двоякий переворот: путь дворцовый и революционный. Первый выход, – по словам ген. И. Данилова, – казался менее болезненным и менее кровавым»³³⁶. От революционного либералов предупреждал и французский посол М. Палеолог, который приводил слова «монархической оппозиции» времен революции 1848 г.: «Если бы мы знали, насколько тонки стены вулкана, мы бы не стремились вызвать извержение»³³⁷.

Лидеры либеральной оппозиции отлично осознавали эту опасность: «Дело оказалось бы чрезвычайно легким, – вспоминал А. Гучков, – если бы вопрос шел о том, чтобы поднять военное восстание..., но мы не желали касаться солдатских масс»³³⁸. «Мы не хотели этой революции. Мы особенно не хотели, чтобы она пришла во время войны. И мы отчаянно боролись, чтобы она не случилась»³³⁹, – подтверждал П. Милюков, мы, – «надеялись предупредить стихийную революцию дворцовым переворотом с низложением царской четы»³⁴⁰.

Причину, по которой эти планы еще не были реализованы в 1915 г., видный кадет В. Маклаков образно объяснял сравнением России с автомобилем, ведомым безумным шофером по узкой дороге над пропастью, когда всякая попытка овладеть этим рулем закончится общей гибелью. Поэтому сведение счетов с шофером (Николаем II) откладывается «до того вождельного времени, когда минует опасность»³⁴¹.

* * * * *

Основная проблема заключалась в том, что успех дворцового переворота зависел не столько от устранения Николая II, сколько от легитимизации переворота в глазах масс. В этих целях, задача думской оппозиции, по словам министра финансов П. Барка (октябрь 1915 г.), «сводилась к тому, чтобы атаку направить через голову правительства на личность самого монарха... Фронтальная атака была исключена. Намечалась длительная осада власти, которая требовала применения различных способов и в разных областях. Прежде всего, было решено добиваться скорейшего возобновления занятий Государственной Думы, дабы иметь открытую трибуну для пропаганды»³⁴².

«Если против России с внешней стороны был выставлен общий фронт центральных держав, то такой имел союзника в лице нашей передовой интеллигенции, составившей общий внутренний фронт для осады власти в тылу наших армий, – подтверждал К. Глобачев, – Работа этого внутреннего врага велась методично в течение двух лет, причем использовались все неудачи, все ошибки, малейшие события и явления последнего времени»³⁴³.

С осени 1915 г. «программа осады власти приводилась в исполнение с неослабленной энергией, – подтверждал П. Барк, – Все средства прилагались к тому, чтобы дискредитировать распоряжения органов правительства, причем обвинения направлялись против верховной власти, то есть против личности Государя. Утверждалось мнение, что причиной всех беспорядков было упрямство Государя, который не желал образовывать новый состав Совета министров из

с. 212–213.

³³⁶ Данилов Ю. Н. Россия на пути к крушению., с. 45. (Мульатули П. В...)

³³⁷ Палеолог М..., 15 сентября 1915 г., с. 364.

³³⁸ Цит. по: Яковлев Н. Н..., с. 206. с. 312.

³³⁹ Милюков П. Н. Как пришла революция, 1921 (Яковлев Н. Н..., с. 266)

³⁴⁰ Милюков П. Н. Воспоминания. – М.: Издательство Политической литературы, 1991, с. 404.

³⁴¹ Маклаков В. А. «Трагическое положение». Русские Ведомости 27.9.1915. (Горянин А. Мифы о России и дух нации. – М.: Pentagraphics, Ltd. 2001.–336 с., с. 122–123.).

³⁴² Барк П. Л..., т. 2, с. 134.

³⁴³ Глобачев К. И..., Часть I, Гл.: Вступление.

политических деятелей. Создавалось убеждение, что все непорядки могут быть легко и быстро устранены, если только во главе министерств появятся политические деятели, не имевшие до того времени никакого опыта в государственном управлении»³⁴⁴.

Осада власти началась с того, что вину за кризис власти либеральная общественность возложила на влияние «темных сил». «Еще с зимы 1913–1914 годов, – по словам М. Родзянко, – в высшем обществе только и было разговоров, что о влиянии темных сил. Определенно и открыто говорилось, что от этих «темных сил, действующих через Распутина, зависят все назначения, как министров, так и других должностных лиц...»³⁴⁵.

Когда с поражений 1915 г. начались поиски виновных, царский приближенный стал одним из первых: «участие Распутина в шпионаже, как агента Германии, не подлежало сомнению», – утверждал М. Родзянко³⁴⁶. «Видя, что легальная борьба с опасным временщиком (Распутиным) не достигает цели... Страна увидела, – восклицал председатель Государственной Думы, – что бороться во имя интересов России можно только террористическими актами, так как законные приемы не приводят к желанным результатам»³⁴⁷.

Однако, убийство Распутина 17 декабря 1916 г. «нисколько не изменило политическое положение... Распутин, – приходил к выводу П. Барк, – был эпизодом и находкой для оппозиции, которая воспользовалась его существованием, чтобы дискредитировать императорскую власть»³⁴⁸, в то же время, убийство Распутина стало «самым трагичным предупреждением для Государя и императрицы»³⁴⁹. «После убийства Распутина широкие слои общества, – подтверждал П. Миллюков, – были убеждены, что следующим шагом, который нужно сделать в ближайшем будущем, является дворцовый переворот с помощью офицеров и солдат...»³⁵⁰.

«Убийство Распутина ничего не изменило, – подтверждал в феврале 1917 г. глава британской миссии А. Милнер, – единственным результатом пожалуй являлась пессимистическая оценка убийства как средства воздействия на самодержавие. Такого настроения умов не только в Петрограде, но и во всей России. Все члены делегации (Милнера) слышали со всех сторон – из русских и из иностранных источников, о неизбежности серьезных событий; вопрос заключался лишь в том, будет ли устранен император, императрица, или г. Протопопов, или все трое вместе... Всех, кто хоть сколько-нибудь знаком с Россией, поражала откровенность, с которой люди всех классов, в том числе люди, наиболее близкие к трону, и офицеры, занимавшие командные посты в армии, высказываются против императрицы и двух ее слепых орудий – императора и г. Протопопова»³⁵¹.

Одним из основных инструментов осады власти стала печать, которая, по словам кадета И. Гессена, вела «партизанскую войну» с властью «с возрастающим ожесточением до самой

³⁴⁴ Барк П. Л... т. 2, с. 208–209.

³⁴⁵ Родзянко М. В...., с. 202.

³⁴⁶ Родзянко М. В...., с. 158.

³⁴⁷ Родзянко М. В...., с. 202.

³⁴⁸ Барк П. Л...., т.2, с. 316.

³⁴⁹ См.: Юсупов Ф. Ф. Конец Распутина. Париж, 1927. (Барк П. Л...., т.2, с. 269)

³⁵⁰ Миллюков П. Н. История второй русской революции. Т. 1, ч. 1, с.35–36 (Чернов В... с. 73).

³⁵¹ Ллойд Джордж Д..., т.3, с. 362.

революции»³⁵². «Наша печать, – подтверждал министр А. Кривошеин, – переходит все границы не только дозволенного, но и простых приличий. До сих пор отличались только московские газеты, а за последние дни и петроградские будто с цепи сорвались. Они заняли такую позицию, которая не только в Монархии – в любой республиканской стране не была бы допущена, особенно в военное время. Сплошная брань, голословное осуждение, возбуждение общественного мнения против власти...»³⁵³.

«Наша газеты совсем взбесились, – указывал премьер И. Горемыкин, в августе 1915 г., – Даже в 1905 году они не позволяли себе таких безобразных выходов, как теперь... Все направлено к колебанию авторитета правительственной власти...»³⁵⁴. «Масса статей в газетах совершенно недопустимого содержания и тона, – подтверждал А. Кривошеин, – Страну революционизируют на глазах у всех властей и никто не хочет вмешаться в это возмутительное явление... Неужели же у Совета Министров нет средств заставить эти подчиненные учреждения сознательно и добросовестно относиться к своим обязанностям?»³⁵⁵.

Однако правительство, по словам министра внутренних дел Н. Щербатова, ничего не могло сделать, поскольку «на театре военных действий цензура подчинена военным властям..., а гражданская предварительная цензура у нас давно отменена и у моего ведомства нет никакой возможности заблаговременно помешать выходу в свет всей той наглой лжи и агитационных статей, которыми полны наши газеты»³⁵⁶. Положение отягощалось тем, что в зону ответственности военных властей входил и Петроград. В ответ на обращение в Ставку министра внутренних дел, начальник штаба Верховного главнокомандующего Н. Янушкевич заявил, «что военная цензура не должна вмешиваться в гражданские дела»³⁵⁷.

Военный министр А. Поливанов в свою очередь требовал: «Дайте реальные указания военной цензуре, какие в печати губительные тенденции для России». На это А. Кривошеин смог лишь ответить: «Какие могут быть указания в таком вопросе, где должно руководить патриотическое чувство и любовь к страдающей родине»³⁵⁸. В результате констатировал Н. Щербатов, нам остается «наложение штрафов и закрытие газет, что вызывает запросы и скандалы в Государственной Думе, которые только содействуют популяризации подвергнутых преследованию органов печати»³⁵⁹.

«Наша союзники в ужасе от той разнузданности, которая царит в русской печати, – сообщал в августе 1915 г. министр иностранных дел С. Сазонов, – В этой разнузданности они видят весьма тревожные признаки для будущего»³⁶⁰. Действительно «езде за границу, у наших врагов и союзников – безразлично, даже в республиканской Франции, – подтверждал П. Барк, – печать находится под строжайшим режимом и служит орудием для борьбы с врагом»³⁶¹. Однако российское правительство, в данном случае, оказалось бессильно, на этот факт

³⁵² Гессен И. В. В двух веках. АРР. т. XXII. – Берлин: 1937, с. 336–337.

³⁵³ Заседание 16 Августа 1915 г. (Яхонтов А. Н...., с. 75).

³⁵⁴ Заседание 26 Августа 1915 г. (Яхонтов А. Н...., с. 116–117).

³⁵⁵ Заседание 28 Августа 1915 г. (Яхонтов А. Н...., с. 126).

³⁵⁶ Заседание 16 Августа 1915 г. (Яхонтов А. Н...., с. 75).

³⁵⁷ См. подробнее: Заседание 26 и 28 Августа 1915 г. (Яхонтов А. Н...., с. 118, 127).

³⁵⁸ Заседание 28 Августа 1915 г. (Яхонтов А. Н...., с. 127).

³⁵⁹ Заседание 26 Августа 1915 г. (Яхонтов А. Н...., с. 118).

³⁶⁰ Заседание 28 Августа 1915 г. (Яхонтов А. Н...., с. 127).

³⁶¹ Заседание 16 Августа 1915 г. (Яхонтов А. Н...., с. 76–77).

накануне революции, в феврале 1917 г., указывал в своем отчете А. Милнер: «в России существует удивительная свобода слова»³⁶².

В. Шульгин оправдывал тактику думской оппозиции тем, что было необходимо «заменить недовольство масс, которое может легко перерасти в революцию, недовольством Думы...»³⁶³. Именно благодаря радикализму Прогрессивного блока, утверждал он, «раздражение России, вызванное страшным отступлением 1915 года..., удалось направить в одушевленную, именуемую Государственной Думой. Удалось перевести накипевшую революционную энергию в слова, в пламенные речи и в искусные, звонко звенящие «переходы к очередным делам». Удалось подменить «революцию» «резолуцией», то есть кровь и разрушение словесным выговором правительству»³⁶⁴. «В нашем мировоззрении та мысль, что даже дурная власть лучше безвластия, – эта мысль занимает почетное место... И, тем не менее, у нас есть только одно средство: бороться с властью до тех пор, пока она не уйдет!.. Мне кажется, что рабочие будут спокойнее и усерднее стоять у своих станков, зная, что Государственная Дума исполняет свой долг...»³⁶⁵.

«Именно кадетами напряжены были все усилия, чтобы сдержать и ослабить готовившиеся вспышки острого раздражения», подтверждала сводка московского охранного отделения, в то же время кадеты были уверены, «что „находящееся в безвыходном тупике правительство“ быстро капитулирует при первых же признаках движения и, таким образом, революция будет предупреждена в самом начале»³⁶⁶.

Между тем, «в минуту сомнений мне, – отмечал В. Шульгин, – иногда начинает казаться, что из пожарных, задавшихся целью тушить революцию, мы невольно становимся ее поджигателями. Мы слишком красноречивы... мы слишком талантливы в наших словесных упражнениях. Нам слишком верят, что правительство никуда не годно...»³⁶⁷. К подобным выводам приходил и А. Керенский, обращаясь к думскому большинству: «Подобно персонажу Мольера, не знающему, что он говорит прозой, вы отвергаете революцию, выражаясь и действуя, как настоящие революционеры»³⁶⁸.

«Правда Шульгина такая, – конкретизировал видный представитель правых Н. Марков 2-й, – мы в Думе владем словом, могучим словом, и словом будем бить по ненавистному правительству, и это патриотизм, это священный долг гражданина. А когда рабочие, фабричные рабочие, поверив вашему слову, забастуют, то это государственная измена. Вот шульгинская правда, и я боюсь, что эту правду рабочие назовут провокацией, и, пожалуй, что это будет действительно правда... Знайте, что народ и рабочие – люди дела, они не болтуны и словам вашим верят, и если вы говорите эти слова – будем бороться с государственной властью во время ужасной войны, – понимайте, что это значит... чтобы рабочие бастовали, чтобы рабочие поднимали знамя восстания, и не закрывайтесь, что вы только словами хотели ограничиться; нет, знайте, что ваши слова ведут к восстанию, к народному возмущению... Речи

³⁶² Ллойд Джордж Д. Военные мемуары. Т.3..., с. 361.

³⁶³ Шульгин В. Дни. Белград. 1925, с. 133–134 (Чернов В... с. 60).

³⁶⁴ Шульгин В. В... с. 122–123.

³⁶⁵ Из выступления В. Шульгина в Государственной Думе 3 ноября 1916 г. (Жуков Д. Жизнь и книги В. В. Шульгина (Шульгин В. В..., с. 32–33.))

³⁶⁶ Сводка московского охранного отделения на 29 февраля 1916 г. Буржуазия накануне Февральской революции, с. 76–79. (Цит. по Дякин В. С..., с. 168.)

³⁶⁷ Шульгин В. В... с. 122–123.

³⁶⁸ Керенский А. Русская революция..., с. 94.

депутатов Милюкова, Керенского, Чхеидзе и ласковое изречение г. Шульгина разнятся только в тоне, в манере, в технике, но суть их одна, и все они ведут к одному – к революции»³⁶⁹.

Двойственная политика лидеров кадетской партии, на фоне преодоления кризиса поражений 1915 г., приводила к упадку оппозиционных настроений, на которые, отмечает С. Дякин, жаловалась даже «Речь», несмотря на обычный искусственно поддерживаемый оптимизм газеты, руководимой Милюковым. Так, например, уже в январе 1916 г. кадетский официоз указывал на нарастающее в либеральных кругах равнодушие, «которое начинает переходить в какое-то чувство безнадежности»³⁷⁰. Перелом, по словам В. Дякина, произошел и в настроениях буржуазии, о чем говорил провал списка «обновленцев» (кадетов, прогрессистов, октябристов) на выборах в Петроградскую думу в феврале 1916 г., победу тогда одержала группа «стародумцев», в которую, по данным полиции, входили в основном люди, стремившиеся устроить свои дела за счет города³⁷¹.

Наглядным примером произошедшего перелома, указывал В. Дякин, стало обсуждение в первой половине 1916 г. законопроекта о волостном земстве, где кадеты и прогрессисты вообще отказались от своих проектов, присоединившись к октябристскому... защищавшему привилегированное положение поместного дворянства³⁷². Но даже в таком виде проект не удовлетворял ни правых, заявлявших, что «народ еще не созрел, чтобы управляться самому»³⁷³, ни правительство, считавшее, что «Государственная дума слишком мало уделила внимания охране культурного элемента населения (т. е. помещиков, В. Д.)»³⁷⁴.

При этом, по признанию самих членов блока, законопроект не касался «китов» крестьянского неравноправия – мирских повинностей, делавших обложение крестьянских земель более высоким, чем дворянских, особых крестьянских учреждений (земских начальников, волостных судов и т. п.), сохранявших гражданское неравенство крестьян и права МВД вмешиваться в ход выборов от крестьян в Думу³⁷⁵. Даже в таком виде законопроект о «крестьянском равноправии» вызвал бешеное сопротивление правых, протестовавших против «упразднения крестьянства как сословия» и называвших сословные ограничения крестьян их особыми правами!³⁷⁶

Свою двойственную, выжидательную политику П. Милюков оправдывал тем, что «люди, которые выдвигают такие (революционные) лозунги, играют с огнем. Они не способны понять страшное напряжение, в котором живет сегодняшняя Россия, и последствия этого напряжения. Очень возможно, что правительство тоже не понимает, что происходит в глубинах России. Но мы, умные и чуткие наблюдатели, ясно видим, что ходим по вулкану, что достаточно малейшего толчка, чтобы все пришло в движение и полилась лава. Вся Россия – одна воспаленная рана, боль, скорбь и страдание... Напряжение достигло предела; достаточно чиркнуть спич-

³⁶⁹ Жуков Д. Жизнь и книги В. В. Шульгина (Шульгин В. В., с. 32–33.)

³⁷⁰ Речь, 18 января 1916 г., № 17. (Цит. по: Дякин В. С., с. 142)

³⁷¹ Записка петроградского охранного отделения 4 марта 1916 г. ЦГАОР, ДП 00, 1916 г., д. 61, ч. 9А, лл. 32–39. (Цит. по: Дякин В. С., с. 142)

³⁷² Русские ведомости, 1 июня 1916 г. № 125. (Цит. по: Дякин В. С., с. 202)

³⁷³ Журнал заседания комиссии по местному самоуправлению 20 мая 1916 г. ЦГИА, ф. 1278, он. 5, д. 555, л. 239. (Цит. по: Дякин В. С., с. 203)

³⁷⁴ Представление МВД 14 февраля 1916 г. ЦГИА, ф. 1276, он. 11, д. 69. (См. подробнее: Дякин В. С., с. 203)

³⁷⁵ Биржевые ведомости, 22 июня 1916 г., № 15633. (Цит. по: Дякин В. С., с. 203)

³⁷⁶ Земщина, 27 мая 1916 г., № 2366. (Цит. по: Дякин В. С., с. 203)

кой, чтобы произошел страшный взрыв. Боже нас сохрани стать свидетелями этого взрыва. Это будет не революция, а тот самый «русский бунт, бессмысленный и беспощадный», от которого бросало в дрожь Пушкина. Начнется та самая вакханалия, свидетелями которой мы были в Москве. Из глубин вновь поднимется та грязная волна, которая погубила прекрасные ростки революции 1905 г. Сильное правительство – не важно, плохое или хорошее – необходимо нам сейчас, как никогда раньше»³⁷⁷.

«От нас, – пояснял свою позицию в августе 1916 г. П. Милюков, – требуется только одно: терпеливо ждать, глотать горькие пилюли, не увеличивать, а уменьшать народное возбуждение: рано или поздно положение правительства станет безнадёжным, после чего наступит полный и абсолютный триумф российского либерализма»³⁷⁸.

Тактика «терпеливого ожидания» П. Милюкова с самого ее начала сталкивалась с критикой внутри самой партии: «Борясь за победу и во имя этого, стремясь сохранить, во что бы то ни стало внутренний мир, – предупреждал в феврале 1916 г. член ЦК А. Шингарев, – мы не должны заходить так далеко, чтоб оказаться совершенно изолированными от крайних левых течений»³⁷⁹. «Мы не можем, – подтверждал лидер левого крыла кадетов М. Мандельштам, – устраняться от народного движения, не можем не стремиться играть в нем руководящей роли»³⁸⁰.

С радикализацией общественных настроений к августу 1916 г. эта критика стала приобретать все более жесткий характер: «Тактика правого крыла кадетской партии, руководимого Милюковым, грозит бесповоротно скомпрометировать партию в глазах широких демократических кругов населения и либеральной интеллигенции...», – заявлял М. Мандельштам, – Страшная ошибка Милюкова заключается в непонимании бесплодности этой игры, в попытке укрепить бюрократию за счет авторитета кадетов, в стремлении что-то получить от этой сделки. На самом деле он теряет престиж и доверие у широких демократических кругов... В ближайшем будущем события изменятся так быстро, что все требования «прогрессивного блока» покажутся детским лепетом... Каждый, кто видит, как все выше поднимается волна народного гнева, ясно понимает, что кадетская партия должна вступить в блок не с правыми, а с левыми, должна идти рука об руку с демократическими партиями. Если мы этого не сделаем, то окажемся в хвосте событий и потеряем свою лидирующую роль. Скажем честно: многие члены нашей партии боятся размаха революции и видят в ней лишь новый пугачевский бунт. Но сами эти страхи должны диктовать политику, диаметрально противоположную милюковской. Если мы не хотим, чтобы стремление народа наказать преступное правительство превратилось в беспорядки, хаос, бессмысленное разрушение, то не имеем права игнорировать народное движение, мы должны стремиться возглавить его... Иначе кадетская партия, скомпрометированная в глазах народа, рискует раз и навсегда оказаться на стороне непопулярных умеренных политических партий. Это было бы несчастьем, как для нашей партии – партии российской интеллигенции, – так и для народа»³⁸¹.

На заседании «академической группы» кадетов, в присутствии ряда членов Думы и Гос. совета, проф. Д. Гримм уже в феврале 1916 г. говорил, что война проиграна, надвигается стихийная революция и надо думать о

³⁷⁷ Отчет директора Московского департамента тайной полиции от 1 августа 1916 г. // Сборник полицейских документов. Центроархив, с. 62–63. (Чернов В... с. 61–62).

³⁷⁸ Отчет директора Московского департамента тайной полиции от 1 августа 1916 г. // Сборник полицейских документов. Центроархив, с. 76. (Чернов В... с. 62).

³⁷⁹ Донесение московского охранного отделения 25 февраля 1916 г. Буржуазия накануне Февральской революции, стр. 74.

³⁸⁰ Донесение московского охранного отделения 1 марта 1916 г. Буржуазия накануне Февральской революции, стр. 82.

³⁸¹ Отчет директора Московского департамента тайной полиции от 1 августа 1916 г. // Сборник полицейских документов. Центроархив, с. 81, 82, 83. (Чернов В... с. 61).

мире, умиротворении внутри страны и спасении интеллигенции³⁸². «На другой день после мира, – предупреждал А. Коновалов в сентябре 1916 г., – у нас начнется кровопролитная внутренняя война. И весь ужас этой войны будет в том, что она будет протекать стихийно, без плана, без какого бы то ни было центрального руководства. Это будет анархия, бунт, страшный взрыв страдавших масс»³⁸³.

Выжидательная тактика полностью исчерпала себя к концу лета 1916 г., когда в настроениях широких масс общественности произошёл коренной перелом. Московская тайная полиция докладывала о впечатлениях Милюкова от старой столицы: «Я никогда бы не поверил, если бы не слышал собственными ушами, что Москва способна говорить таким языком. Я знаю Москву много десятилетий; если бы двадцать лет назад мне сказали, что в чувствах москвичей может произойти такая катастрофическая перемена, я бы назвал это глупой шуткой. Самые инертные, самые непросвещенные люди говорят как революционеры»³⁸⁴. На Съезде земств делегаты подтвердили, что схожие перемены произошли даже в таких традиционно монархических регионах, как казачьи станицы³⁸⁵.

«Антиправительственные настроения, – сообщала петроградская тайная полиция, – охватили буквально все слои общества, в том числе и те, которые раньше никогда не выражали недовольства, – например, некоторые круги офицеров императорской гвардии»³⁸⁶. «Летом и осенью 1916 г., – я, подтверждал А. Гучков, – стал ощущать эту нарастающую опасность в настроениях городского населения и рабочих...»³⁸⁷. В своем донесении в министерство иностранных дел 18 августа 1916 г. британский посол подчеркивал: «Если император будет продолжать слушаться своих нынешних реакционных советчиков, то революция, боюсь, является неизбежной»³⁸⁸.

Революционная ситуация

За эти три месяца произошла громадная перемена в настроениях общества, даже страшно становится, как мы неотвратимо, скачками летим к революции.

*З. Арапова, 12.1916*³⁸⁹

Перелом в настроениях думской оппозиции наступил в сентябре 1916 г., когда на совещании ее лидеров³⁹⁰, «был поставлен вопрос о тревожном положении, очень ясно определившейся линии развития событий в сторону какого-нибудь большого народного движения, уличного бунта. Затем вопрос был поставлен не о том, нужно ли мешать этому либо содействовать. Предполагалось, что эти события пройдут независимо от воли и желания собравшейся группы,

³⁸² Доклад петроградского охранного отделения 17 февраля 1916 г. (Цит. по Дякин В. С..., с.172)

³⁸³ Донесение начальника московского охранного отделения полковника Мартынова директору департамента полиции о выступлениях А. И. Коновалова среди московских промышленников, 20 сентября 1916 г. (Буржуазия накануне Февральской революции..., с. 139).

³⁸⁴ Цит. по: Чернов В... с. 58–59.

³⁸⁵ Чернов В... с. 59.

³⁸⁶ Цит. по: Чернов В... с. 59.

³⁸⁷ Александр Иванович Гучков рассказывает..., с. 30.

³⁸⁸ Бьюкенен – министерству иностранных дел. 18.08.1916. (Бьюкенен Дж..., с. 193)

³⁸⁹ Дневник З. В. Араповой (племянницы М. Родзянко). РО ГБЛ, ф. 12, ф. 12, картон 1, ед. хр. 9, л. 63. (Цит. по: Дякин В. С..., с. 307)

³⁹⁰ Родзянко, Милюков, Шидловский, Шингарев, Годнев, В. Львов, Некрасов, Гучков. Из не членов Думы был только Терещенко.

они сами собой разовьются. Вопрос был поставлен: что нам делать, когда это все наступит..., остановить это движение мы не можем, а присоединиться не хотим»³⁹¹.

Подобный перелом произошел и в настроениях деловых кругов. На неизбежность стремительно приближающегося революционного взрыва, указывал в своем выступлении в середине сентября 1916 г., на совещании промышленников, один из наиболее видных их представителей А. Коновалов: «Только глубокий патриотизм и сознательность... до поры до времени сдерживают рабочий класс. Что касается крестьянской массы, то здесь налицо все признаки анархии... В России уже сейчас нет никакого правительства. К тому же времени положение еще много ухудшится. При первых революционных взрывах правительство окончательно потеряется и бросит все русское общество на произвол судьбы. Вот почему все, кто сознает неизбежность того, что ждет нас..., теперь должны подумать о самозащите, об ослаблении грозных последствий анархии. Спасение в одном в организации себя, – с одной стороны, в организации рабочих – с другой. Если мы будем смотреть на организацию рабочих враждебно, мешать ей, то мы будем лишь содействовать анархии, содействовать собственной гибели. Объявляя в такой момент рабочим войну, мы рискуем превратить всю русскую промышленность в развалины. На правительство надеяться нечего, мы окажемся лицом к лицу с рабочими, – и тут совершенно бесспорно их сила и наше бессилие...»³⁹².

В городах уже начались рабочие волнения. Одной из самых крупных стала стихийная забастовка 30 тысяч рабочих Выборгского района Петербурга начавшаяся 17 октября. Рабочие направились к казармам, где размещалось 12 тысяч солдат 181 полка, и солдаты присоединилась к рабочим (правда, они не имели оружия). Казаки отказались стрелять в народ, на подавление бунта был брошен лейб-гвардии Московский полк, после ожесточенных столкновений огромные толпы рабочих и солдат были рассеяны, 130 солдат было арестовано³⁹³.

На заседании бюро прогрессивного блока 24 октября 1916 г. один из лидеров кадетов А. Шингарев обрисовал положение в стране следующим образом: «Сгустить краски гуще того, что есть, невозможно. Внутри страны голодовка. Города накануне невозможности достать хлеба. Рабочие вот-вот вырвутся на улицу»³⁹⁴. Вместе с тем, октябрьская конференция кадетов, сообщал начальник московского охранного отделения Мартынов, «выявила ясно еще одну черту в партийной психике к.-д. – их непомерный страх перед революцией. Отмечая грозные факты в провинциальной жизни – предвестники возможной смуты, многие ораторы ярко рисовали неизбежный анархический характер народного движения»³⁹⁵.

В своей сводке за октябрь 1916 г. начальник Петроградского губернского жандармского управления доносил, что «постепенно назревавшее расстройство тыла..., носившее хронический и все прогрессирующий характер, достигло к настоящему моменту того максимального и чудовищного размера, которое... обещает в самом скором времени ввергнуть страну в разрушающий хаос катастрофической стихийной анархии... Необходимо считать в значительной мере правильной точку зрения кадетских лидеров, определенно утверждающих со слов Шингарева, что «весьма близки события первостепенной важности, кои нисколько не предвидятся правительством, кои печальны, ужасны, но в то же время неизбежны...»³⁹⁶.

³⁹¹ Александр Иванович Гучков рассказывает..., с. 15.

³⁹² Донесение начальника московского охранного отделения полковника Мартынова директору департамента полиции о выступлениях А. И. Коновалова среди московских промышленников, 20 сентября 1916 г. (Буржуазия накануне Февральской революции..., с. 139).

³⁹³ Лейберов И. П., Рудаченко С. Д. Революция и хлеб. – М.: Мысль. 1990. 222 с.

³⁹⁴ Красный архив, 1933, т. 56, с. 104.

³⁹⁵ Донесение начальника московского охранного отделения полковника Мартынова директору департамента полиции об октябрьской конференции к.-д. 2.11.1916. (Буржуазия накануне Февральской революции..., с. 147).

³⁹⁶ Сводка начальника петроградского губернского жандармского управления на октябрь 1916 г. (Буржуазия накануне Февральской революции..., с. 130).

Основными причинами складывающегося положения, по мнению начальника Петроградского губернского жандармского управления, являлись: «безудержная вакханалия мародерства и хищений различного рода темных дельцов в разнообразнейших отраслях торговой, промышленной и общественно-политической жизни страны; бессистемные и взаимно-противоречивые распоряжения представителей правительственной местной администрации; недобросовестность второстепенных и низших агентов власти на местах; и, как следствие всего вышеизложенного, неравномерное распределение продуктов питания и предметов первой необходимости, неимоверно прогрессирующая дороговизна и отсутствие источников и средств питания у голодающего в настоящее время населения столиц и крупных общественных центров... (Всё) определенно и категорически указывает на то, что грозный кризис уже назрел и неизбежно должен разрешиться...»³⁹⁷.

«Во всех без исключения (докладах с мест), – подводил итог 30 октября в своем сводном докладе Министерству внутренних дел директор Департамента полиции А. Васильев, – главнейшей причиной всех переживаемых настроений..., признается то положение, в каком находится продовольственный вопрос и неразрывная связанная с ним беспримерная, непонятная населению, чудовищно растущая дороговизна. Все остальные тяжелые явления нашей действительности текущего периода представляются лишь следствиями этих причин. Наибольшая степень раздражения и озлобления масс под влиянием указанных причин наблюдается в обеих столицах..., теперь оппозиционность настроений достигла таких исключительных размеров, до которых она далеко не доходила в широких массах... (во время революции 1905–1906 гг.) Такое необычайное повышенное настроение населения столиц дает основание... заключить, ... (что) как в Петрограде, так и в Москве могут вспыхнуть крупные беспорядки чисто стихийного характера»... При этом согласно предупреждению начальника кронштадтского жандармского управления, даже «в крепости находящейся на осадном положении, возможно возникновение рабочих беспорядков, причем на подавление их войсками гарнизона рассчитывать нельзя», ввиду их ненадежности³⁹⁸.

«Что касается революционного движения в империи, – добавлял в своем докладе А. Васильев, – то в отношении его розыскные органы отмечают, что в настоящее время, благодаря призыву в войска массы партийных деятелей и распылению непризванных членов революционных партий по общественным учреждениям работающим на оборону, – революционных организаций, как таковых почти нигде не существует». «Сопоставляя все вышеприведенные признаки назревающего нового смутного периода..., департамент полиции полагает..., что нарастающее движение в настоящее время еще носит характер экономический, а не революционный»³⁹⁹.

Если промышленники искали спасения от грядущей анархии в союзе с рабочими, то лидеры либеральной оппозиции продолжали связывать все свои надежды с добровольной уступкой власти монархом и правительством. «По мнению многих видных депутатов (Шингарев, Александров и др.), в случае отказа правительства войти в соглашение с «партией народной свободы» или в случае неприемлемости условий правительства, до «революции

³⁹⁷ Сводка начальника петроградского губернского жандармского управления на октябрь 1916 г. (Буржуазия накануне Февральской революции..., с. 128–129).

³⁹⁸ Сводка директора департамента полиции А. Васильева от 30.10.1916. (Буржуазия накануне Февральской революции..., с. 137).

³⁹⁹ Сводка директора департамента полиции А. Васильева от 30.10.1916. (Буржуазия накануне Февральской революции..., с. 138).

осталось всего лишь несколько месяцев, если только таковая не вспыхнет стихийным порядком гораздо раньше»: повсюду настроение достигло такого оппозиционного характера, что достаточно какого-нибудь пустячного предлога, чтобы вызвать бурные беспорядки ожесточившихся народных масс; беспорядки конечно вызовут кровавые подавления вооруженной силой, а последнее приведет к повсеместным протестам и еще более диким эксцессам»⁴⁰⁰.

Однако именно эта революционная вспышка, как и в 1905–1906 гг., по мнению А. Гучкова, только и могла создать условия для того, чтобы правительство пошло на уступки: «после того, как дикая стихийная анархия, улица, падет, после этого люди государственного опыта, государственного разума, вроде нас, будут призваны к власти... Затем, другая возможность, что правительство, почувствовав свое опасное положение, прибегнет к нашей помощи..., – в любом случае утверждал Гучков, – Либо мы будем вынесены революционной волной наверх, либо [последует] призыв самой верховной власти...»⁴⁰¹.

Насколько далеки были эти надежды от действительности, говорила сводка директора Департамента полиции А. Васильева: «Отношение народных масс к Государственной Думе в последнее время серьезно изменилось, ибо деятельность Думы в прошлую сессию сильно разочаровала массы: в борьбе с наиболее насущными вопросами (дороговизной, продовольственными затруднениями) Дума ничего не сделала, а то, что сделало (закон о мясопустных днях) лишь еще ухудшило положение. Такое ослабление веры в народное представительство в широкой народной массе особенно озадачивает кадет, которые собираются в предстоящей сессии продемонстрировать перед народом, что они являются столь же деятельными, как и левые партии»⁴⁰².

Одновременно нарастал раскол в самой либеральной оппозиции, на что обращал внимание в своем донесении 2.11.1916 начальник московского охранного отделения Мартынов: «Настроение провинции явно анти-милюковское, неизмеримо более радикальное... Осторожная тактика Милюкова, чрезмерно заботящегося о легальности партии в глазах правительства, убивает партию в глазах в последнее время стихийно левеющего провинциального общества... Накануне выборов в 5-ю Государственную Думу такая тактика прямо «самоубийственна»»⁴⁰³.

Падение авторитета Думы и раскол либеральной оппозиции накануне выборов подрывало все надежды кадетов на «приглашение» во власть. «В настоящий момент, температура Москвы неизмеримо выше, чем была даже в 1905–1906 гг..., – предупреждал А. Коновалов, – На ближайших выборах в Государственную Думу, несомненно, к.-д. окажутся для Москвы слишком правыми...»⁴⁰⁴. Сам Милюков отмечал, что даже «московские старообрядцы... стали говорить языком, который до 1905–1906 гг. можно было слышать только в швейцарских эмигрантских кругах»⁴⁰⁵.

Либеральная общественность ощутила реальную угрозу того, что она вообще может оказаться не у власти. Нарастающие опасения звучали в словах лидера октябристов А. Гучкова: «мне кажется, мы ошибаемся, господа, когда предполагаем, что какие-то одни силы выполнят революционное действие, а какие-то другие силы будут призваны для создания новой власти. Я боюсь, что те, которые будут делать революцию, те станут во главе этой революции...,

⁴⁰⁰ Сводка начальника петроградского губернского жандармского управления на октябрь 1916 г. (Буржуазия накануне Февральской революции..., с. 135).

⁴⁰¹ Александр Иванович Гучков рассказывает..., с. 15.

⁴⁰² Сводка директора департамента полиции А. Васильева от 30.10.1916. (Буржуазия накануне Февральской революции..., с. 137).

⁴⁰³ Донесение начальника московского охранного отделения полковника Мартынова директору департамента полиции об октябрьской конференции к.-д. 2.11.1916. (Буржуазия накануне Февральской революции..., с. 146).

⁴⁰⁴ Донесение начальника московского охранного отделения полковника Мартынова директору департамента полиции о совещаниях у А. И. Коновалова 12.10.1916. (Буржуазия накануне Февральской революции..., с. 141).

⁴⁰⁵ Донесение начальника московского охранного отделения полковника Мартынова директору департамента полиции о совещаниях у А. И. Коновалова 12.10.1916. (Буржуазия накануне Февральской революции..., с. 141).

допустить до развития анархии, до смены власти революционным порядком нельзя, что нужно ответственным государственным элементам взять эти задачи на себя, потому что иначе это очень плохо будет выполнено улицей и стихией. Я сказал, что обдумываю вопрос о дворцовой революции – это единственное средство»⁴⁰⁶.

Настроения лидеров либеральной оппозиции к этому времени изменились кардинальным образом, они стали страстно возражать против призыва французов – терпеливо ждать. При слове „терпение“ Милюков и Маклаков вскрикнули: «С нас довольно терпения! Наше терпение окончательно истощилось. Кроме того, если мы не будем действовать, народные массы перестанут нас слушаться»⁴⁰⁷.

Проект дворцового переворота, по словам П. Милюкова, предусматривал, что «при перевороте так или иначе Николай II будет устранен с престола. Блок соглашался на передачу власти монарха к законному наследнику Алексею и на регентство – до его совершеннолетия – великого князя Михаила Александровича. Мягкий характер великого князя и малолетство наследника казались лучшей гарантией перехода к конституционному строю... Говорилось в частном порядке, что судьба императора и императрицы остается при этом нерешенной – вплоть до вмешательства лейб-гвардейцев, как это было в XVIII в.; что у Гучкова есть связи с офицерами гвардейских полков, расквартированных в столице, и т. д.»⁴⁰⁸.

Основной вопрос вновь, как и летом 1915 г., уперся в необходимость легитимизации переворота в глазах масс. Единственным средством для этого являлась окончательная и полная дискредитация существующей власти. Для этого отмечал В. Сухомлинов, большинства октябристов под эгидой Гучкова и вплоть до крайних левых «должны были напасть на тот пункт, где они думали найти доказательства того, что старый режим прогнил»⁴⁰⁹.

И Петербург уже с середины 1916 г., отмечал вл. кн. Александр Михайлович, наполнился слухами: ««Правда ли, что царь запил?», «А вы слышали, что государя пользует какой-то бурят, и он прописал ему... лекарство, которое разрушает мозг?», «Известно ли вам, что Штюмер, которого поставили во главе нашего правительства, регулярно общается с германскими агентами в Стокгольме?»... И никогда ни одного вопроса об армии! И ни слова радости о победе Брусилова! Ничего, кроме лжи и сплетен, выдаваемых за истину только потому, что их пускают высшие придворные чины»⁴¹⁰.

«Недовольство, – вспоминал ген. Ю. Ломоносов, – было направлено почти исключительно против царя и особенно царицы. В штабах и в Ставке царицу ругали нещадно, поговаривали не только о ее заточении, но даже о низложении Николая. Говорили об этом даже за генеральскими столами. Но всегда, при всех разговорах этого рода, наиболее вероятным исходом казалась революция чисто дворцовая, вроде убийства Павла»⁴¹¹.

Поводом для роста недовольства стали слухи, основанные на немецком происхождении императрицы и премьер-министра. Уже с середины 1916 г. «высшие сферы и, прежде всего, императрицу Александру Федоровну, а под ее влиянием и правительство, стали подозревать в желании заключить сепаратный мир с Германией. Эта тема, – отмечал Н. Покровский, – была настолько популярна, что в большинстве общественных кругов не вызывала даже никакого

⁴⁰⁶ Александр Иванович Гучков рассказывает..., с. 16–17.

⁴⁰⁷ Ллойд Джордж Д. Военные мемуары. Т. 3..., с. 375.

⁴⁰⁸ Милюков П. Н. Воспоминания. – М.: Политическая литература, 1991, с. 450.

⁴⁰⁹ Сухомлинов В. А..., с. 336.

⁴¹⁰ Великий князь Александр Михайлович. Мемуары великого князя. – М.: Захаров-Аст, 1999, с. 259–260.

⁴¹¹ Ломоносов Ю. В. Воспоминания о мартовской революции 1917 года. Стокгольм-Берлин, 1921, с. 1.

сомнения. Таким образом, единственный тормоз для подготовки революционного движения – чувство патриотизма – не только устранили, но даже обращали на пользу подготавливавшегося движения»⁴¹².

Для дискредитации власти «даже в центральных учреждениях, – по словам начальника петроградского охранного отделения К. Глобачева, – старались создать недовольство и оппозицию против существующего порядка. Было использовано все: ложные слухи, клевета в печати, тяжелые экономические условия, воздействие на рабочие массы, подпольное революционное движение, раздоры среди членов правительства, личные интриги и т. п. Словом, все средства были пущены в ход для создания революционной атмосферы, для того, чтобы ни одного защитника старого порядка не нашлось, когда будет поднято знамя восстания в пользу руководящего революционного центра»⁴¹³.

Один из примеров, распространения подобного рода слухов, приводил плк. Н. Балабин: «Объезжая в 1916 г. войсковые части в качестве главноуполномоченного Красного Креста, Гучков в интимной беседе со мной в штабе дивизии высказывал мне серьезные опасения за исход войны. Мы единодушно приходили к выводу, что неумелое оперативное руководство армией, назначение на высшие командные должности бездарных царедворцев, наконец, двусмысленное поведение царицы Александры, направленное к сепаратному миру с Германией, может закончиться военной катастрофой и новой революцией, которая, на наш взгляд, грозила гибелью государству. Мы считали, что выходом из положения мог бы быть дворцовый переворот: у Николая нужно силой вырвать отречение от престола». Учитывая дальнейшую судьбу Балабина, – отмечал Н. Яковлев, – летом 1917 года при Временном правительстве он был начальником штаба Петроградского военного округа, – это признание существенно⁴¹⁴.

Наряду с дискредитацией верховной власти, перед оппозицией прямо и непосредственно вставал вопрос подтверждения своего права на власть – своей лидирующей и ведущей роли, что неизбежно вынуждало ее переходить к активным действиям. Выбора нет «все зависит от нас, все в наших руках; предстоящая сессия Государственной Думы должна быть решительным натиском на власть, последним штурмом бюрократии..., – призывал А. Коновалов, – Более благоприятный момент для штурма власти едва ли повторится. Власть страшно растерялась перед продовольственной анархией, и в то же время, военное положение в данный момент весьма малоблагоприятно»⁴¹⁵.

Переход к активным действиям спровоцировало усиление давления правительства на Думу, «уступить этому давлению, – отмечает В. Дякин, – значило для блока полностью утратить свой политический авторитет. Поэтому блок отказался пойти на уступки. 1 ноября 1916 г. при открытии сессии Думы Шидловский зачитал декларацию, в которой требовалась немедленная отставка кабинета Штюрмера»⁴¹⁶.

Само же, непосредственное наступление на власть, началось с выступления П. Милюкова на той же сессии Думы 1 ноября 1916 г., которое вошло в историю под своей заклю-

⁴¹² Покровский Н. Н...., с. 144.

⁴¹³ Глобачев К. И...., Часть I, Гл.: Вступление.

⁴¹⁴ Яковлев Н. Н...., с. 223–224.

⁴¹⁵ Донесение начальника московского охранного отделения полковника Мартынова директору департамента полиции о совещаниях у А. И. Коновалова 12.10.1916. (Буржуазия накануне Февральской революции...., с. 141).

⁴¹⁶ Стенограмма заседания Думы 1 ноября 1916 г. ЦГИА, ф. 1278, он. 5, д. 266, пд. 19–22. (Цит. по: Дякин В. С...., с. 242)

чительной фразой: «Что это – глупость или измена?» В своем выступлении лидер кадетов указал на «мучительное, страшное подозрение, зловещие слухи о предательстве и измене, о темных силах, борющихся в пользу Германии и стремящихся... подготовить почву для позорного мира, которые перешли ныне в ясное сознание...». В подтверждение своих слов лидер российских либералов сослался на немецкую газету «Нойе фрайе цайтунг», где упоминались императрица и окружавшая ее камарилья – Распутин, Питирим, Штюмер. А также на статьи в немецких и австрийских газетах: «Kölnische Zeitung», «Neues Wiener Tageblatt», «Reichspost», «Neue Freie Presse» и др.⁴¹⁷

Кроме этого П. Милюков упомянул, без названия газет и фамилий тех о ком идет речь, о «московских газетах, где была напечатана записка крайне правых...». Сослался и на конфиденциальные источники: «Прошу извинения, что сообщая о столь важном факте (измене Штюмера), я не могу назвать источника»⁴¹⁸. И поставил точку тем, что «из уст британского посла сэра Джорджа Бьюкенена я выслушал тяжеловесное обвинение против известного круга лиц в желании подготовить путь к сепаратному миру»⁴¹⁹.

После Февральской революции «все факты, указанные в этой речи (Милюкова от 1 ноября), были проверены (Чрезвычайной следственной) Комиссией следственным путем, – и, по словам Члена президиума Комиссии А. Романова, – не нашли себе никакого подтверждения и оказались основанными лишь на слухах, неизвестно от кого исходивших, что должен был признать на допросе сам Милюков»⁴²⁰. Но это уже не имело значения, поскольку «Общественное мнение, – отмечал П. Милюков, – единодушно признало 1 ноября 1916 г. началом русской революции»⁴²¹.

Действительно, несмотря на то, что, фактический фундамент речи П. Милюкова «был крайне слаб», она, отмечал министр иностранных дел Н. Покровский, произвела громадное впечатление: «Совет министров был в чрезвычайном волнении»⁴²². Слово «измена» с молниеносной быстротой разнеслось по стране... «Впечатление получилось, – вспоминал П. Милюков, – как будто прорван был наполненный гноем пузырь и выставлено напоказ коренное зло, известное всем, но ожидавшее публичного обличения»⁴²³. Уже на следующий день – 2 ноября 1916 г., М. Родзянко, по его словам, получил письмо от главного комитета Всероссийского союза городов, в котором говорилось, что «наступил решительный час и что необходимо наконец добиться такого правительства, которое в единении с народом повело страну к победе»⁴²⁴.

«Наиболее потрясающее впечатление, – подтверждал Деникин, – произвело роковое слово «измена». Оно относилось к императрице... Переживая памятью минувшее, учитывая то впечатление, которое произвел в армии слух об измене императрицы, я считаю, что это обстоятельство сыграло огромную роль в настроении армии, в ее отношении и к династии, и к революции...»⁴²⁵.

⁴¹⁷ (Цит. по: Родзянко М. В...., Родзянко М. В...., с. 352–353).

⁴¹⁸ (Цит. по: Родзянко М. В...., Родзянко М. В...., с. 356).

⁴¹⁹ Речь П. Милюкова 1 ноября 1916 г. См. подробнее: Родзянко М. В...., Родзянко М. В...., с. 350–358.

⁴²⁰ Романов А. Ф...., с. 22–23, 26. Руднев В. М. Правда о царской семье и «темных силах» // Святой черт. Тайна Григория Распутина. Воспоминания. Документы. Материалы Следственной комиссии. М., 1990. С. 294). Подробнее см.: Мельгунов С. П. Легенда о сепаратном мире. Канун революции. М., 2006. См. также: Васюков В. С. Внешняя политика России накануне Февральской революции. 1916–февраль 1917 г. М., 1989. С. 232–295. (С. В. Куликов прим. к: Покровский Н. Н...., с. 324.)

⁴²¹ Милюков П. Н. История..., с. 30.

⁴²² Покровский Н. Н...., с. 168–169.

⁴²³ Яковлев Н. Н...., с. 268–269.

⁴²⁴ Родзянко М. В...., с. 194.

⁴²⁵ Деникин А. И.... т. 1, с. 15.

Были потрясены даже высшие органы государственной власти: «В конце ноября Государственный Совет, подобно Думе, вынес резолюцию, в которой указывал, что правительство должно внять голосу народа и к власти должны быть призваны лица, облеченные доверием страны... Такую же резолюцию вынес и съезд объединенного дворянства»⁴²⁶. 25 декабря 1916 г. председатели Губернских Земских управ так же пришли к единодушному убеждению, что «стоящее у власти правительство, открыто подозреваемое в зависимости от темных и враждебных России влияний, не может управлять страной, и ведет ее по пути гибели и позора»⁴²⁷.

Настроения промышленников передавал А. Коновалов, который 16 декабря заявил, что вся Россия уже осознала, что «с существующим режимом, существующим правительством победа невозможна, что основным условием победы над внешним врагом должна быть победа над внутренним врагом». «Мы переживаем трагическое время, – подтверждал П. Рябушинский, – и декабрь 1916 г. в истории России навсегда оставит память противоположности интересов Родины и правительства»⁴²⁸.

Перелом, произошедший в настроениях буржуазно-интеллигентских кругов, наглядно подтвердили выборы в Московскую городскую думу, состоявшиеся в конце ноября – начале декабря: на них из 160 представителей московской буржуазии только 11 было правее прогрессистов (главным образом октябристы), а 149 прошло по списку прогрессивной группы, включая кадетов и левых во главе с меньшевиком Н. Муравьевым⁴²⁹. Правительство 30 декабря было вынуждено кассировать итоги выборов.

«Мы переживаем теперь страшный момент, – подводил итог П. Милюков с думской трибуны в декабре 1916 г., – На наших глазах общественная борьба выступает из рамок законности и возрождаются явочные формы 1905 г... Кучка слепцов и безумцев пытается остановить течение того могучего потока, который мы в дружных совместных усилиях со страной хотим ввести в законное русло. Гг., я еще раз повторяю это еще можно сделать. Но время не ждет. Атмосфера насыщена электричеством. В воздухе чувствуется приближение грозы. Никто не знает, гг., где и когда грянет удар»⁴³⁰.

Военный цензор «Нового времени» Снесарев в конце 1916 г. подтверждал в разговоре с П. Барком, что письма и военных, и политических деятелей, и частных лиц, свидетельствуют, что по всей стране происходит серьезное брожение, которое представляет больше опасности, чем в 1905–1906 гг. и грозит гибелью⁴³¹.

«В это время, – вспоминал С. Булгаков о конце 1916 г., – в Москве происходили собрания, на которых открыто обсуждался дворцовый переворот и говорилось об этом, как о событии завтрашнего дня. Приезжали в Москву А. Гучков, В. Маклаков, суеились и другие спасители отечества... Особенное недоумение и негодование во мне вызвали в то время дела и речи кн. Г. Львова, будущего премьера... Его я знал..., как верного слугу царя, разумного, ответственного, добросовестного русского человека, относившегося с непримиримым отвращением к революционной сивухе, и вдруг его речи на ответственном посту зовут прямо к революции... Это было для меня показательным, потому что о всей интеллигентской черни не приходилось и говорить...»⁴³².

⁴²⁶ Родзянко М. В...., с. 200.

⁴²⁷ Родзянко М. В...., с. 288.

⁴²⁸ Рябушинский В. Купечество московское. с. 185. (Петров Ю. А...., с. 65.)

⁴²⁹ Речь, 6 декабря 1916 г., № 336; Биржевые ведомости, 2 декабря 1916 г., № 15959. (См. подробнее: Дякин В. С...., с. 257)

⁴³⁰ Гос. дума. Сессия пятая, стлб. 1178, 1179. (Цит. по: Дякин В. С...., с. 307, 260)

⁴³¹ Барк П. Л...., т.2, с. 280–281.

⁴³² Кожинов В. В...., с. 37.

Некоторые проекты дворцового переворота, по словам А. Керенского, можно было осуществлять уже зимой 1916 г.: «наша смешанная группа представителей левых думских фракций... поддерживала отношения со всеми активными радикальными силами страны..., удалось выработать единую программу действий во избежание несогласованности, которая помешала бы государственному перевороту...»⁴³³. «В разработке заговоров участвовало огромное множество организаций, даже члены думского «прогрессивного блока». Заговорщики наладили контакты с военными, в их число вошли многие генералы, не говоря уже о младших офицерах»⁴³⁴. «К сожалению, – отмечал Керенский, – ни один серьезный план не осуществился», «все ждали инициативы».

* * * * *

Особое внимание, которое заговорщики уделяли армии, диктовалось тем, что успех любого переворота, а тем более во время войны, определялся отношением к нему, прежде всего, высшего военного командования. «Является совершенно бесспорным одно положение, – подтверждал Деникин, – исход революции во многом зависел от армии»⁴³⁵

⁴³³ Керенский А. Русская революция..., с. 99–100.

⁴³⁴ Керенский А. Русская революция..., с. 99.

⁴³⁵ Деникин А. И.... т. 1, с. 349.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.